

АНДРЕЙ ТРОИЦКИЙ



БОЛЬШАЯ ЗОНА

БУМЕР

2



ПРОДОЛЖЕНИЕ КУЛЬТОВОГО РОМАНА

Бумер

Андрей Троицкий

Бумер-2: Большая зона

«Автор»

Троицкий А. Б.

Бумер-2: Большая зона / А. Б. Троицкий — «Автор»,
— (Бумер)

Четыре долгих года Костян провел за колючей проволокой. У него было время подумать над своей жизнью, которую сам же пустил под откос. Выйдя на волю, он твердо решил завязать с криминалом. Но сначала надо раздать долги – одному мертвому зеку и его убийце. Два в одном...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	30
Глава пятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Троицкий

Бумер-2

Книга вторая. Большая зона

Глава первая

Первую ночь после гибели Димона Кот провел в дешевой гостинице за Кольцевой дорогой, где селились в основном челноки или приезжие работяги. Деньги за постой здесь брали вперед, зато не требовали предъявить документы, что вполне устраивало нового постояльца. Кроме того, о милицеских облавах предупреждали за час до их начала. Заплатив за неделю, Кот поселился на втором этаже в комнате на пять человек. После зоны условия просто царские. Здесь было все необходимое для красивой жизни: кровать с мягкой панцирной сеткой, чистое белье, холодильник и даже трехпрограммный громкоговоритель. Конечно, Костян мог напроситься на ночлег к двум-трем приятелям, но ему не хотелось, чтобы слухи о его неожиданном сказочном возвращении в Москву дошли до его прежних друзей и, главное, врагов.

* * *

Утром, чуть свет Кот вышел из гостиницы и, не спеша, дотопал до охраняемой платной стоянки. Там, чтобы не привлекать к себе внимания, он оставил вчера свой слишком приметный джип БМВ. Без необходимости рисковать не имело смысла. Из документов у него лишь справка, выданная в ИТУ на имя Кольки Шубина. Законным образом получить паспорт по этой портянке невозможно, поэтому придется искать надежные документы, без них – никуда.

Поэтому без визита к одному старому знакомому Коту обойтись не удалось. Проторчав почти час в дорожной пробке, он приехал в Марьино рощу к Васеке Блохину, который в прежние времена мог достать любые документы на машину. Настоящие, а не отпечатанные на домашнем принтере. Ездить на БМВ без бумаг, разумеется, можно, но не в этом положении, со справкой об освобождении. Кроме того, такие приключения до бесконечности продолжаться не могут. На первый случай менты выдают его до последней копейки. А потом защелкнут на запястьях стальные браслеты, откатают пальцы и пробьют по картотеке оперативного учета. И снова на кичу.

Оставив джип за два квартала до нужного дома, Кот нашел подъезд и, вспомнив номер квартиры, пешком поднялся на пятый этаж, потому что лифт не работал. После долгих настойчивых звонков дверь открыла какая-то заспанная баба в длинном халате. Она смерила раннего гостя долгим взглядом, словно прикидывала про себя, сколько стоят его роскошные туфли и модный костюм: пару штук баксов или дороже.

– Вы кто? – спросила женщина.

– Знакомый Васи, – ответил Кот, – Николай Шубин.

– А я его жена, – сказала женщина, но имени не назвалась, однако уточнила: – То есть бывшая гражданская жена.

– А, вот оно что, – улыбнулся Кот. – Мы с Васей давно не виделись. А тут я оказался проездом. По делам в Москве, в командировке. И подумал, почему бы не зайти? Нам есть, что вспомнить.

– Нечего вспоминать, – вздохнула хозяйка. – И не с кем.

Она пошире распахнула дверь, взгляделась в лицо Кота и решила, что когда-то давно, в незапамятные времена, она видела этого мужчину, возможно, они даже были знакомы. Но когда и при каких обстоятельствах познакомились и где виделись, – большой вопрос. На алкаша он не похож. Такие прикинутые и вежливые мужики к Ваське давно не приходили. Последние годы здесь вечно отиралась местная шпана и ханыги. А потом гражданский муж умер – пьяный в дупель лег спать и больше не проснулся. Обо всем этом бывшая сожительница Блохина коротко рассказала Костяну, размазывая по щекам мутные, как плохой самогон, слезы.

– Жаль, чертовски жаль Васю, – совершенно искренне сказал Кот. – Вот же непруха.

– Вроде бы я вас где-то видела, – женщина прищурилась. – Из головы вылетело... Когда-то давно, не припоминаете?

– Это исключено, – соврал Кот, хорошо помнивший Верку еще молодой и красивой.

Судя по ее отечному лицу, желтой коже и мешкам под глазами, в последнее время она пила, не переставая, словно торопилась лечь на кладбище рядом с Блохиным.

– Я живу в другом городе. В Москве бываю редко.

– Зачем вам Вася-то? Ксива, что ли, понадобилась?

– Точно, – удивился Кот ее догадливости.

Женщина пригласила гостя в квартиру, помянуть Ваську, чем бог послал. Но Кот пить отказался, сказав, что очень спешит. Может быть, в другой раз заглянет.

– А вы позвоните, дружку его, Жоре Бубнову, – посоветовала женщина, – они одно время вместе свои делишки обтяпывали. Я вам телефон его сейчас дам...

* * *

Через час в районе зоопарка Кот посадил в бумер своего давнего знакомого Жору Бубнова по кличке Бубен. Это был высокий пижонистый брюнет, одетый по последней моде: в итальянский костюм цвета маренго, светло-голубую шелковую рубашку и темные нубуковые мокасины. Этот прикид свидетельствовал о том, что прямо сейчас Бубен отправляется на работу и не вернется домой без парочки толстых кошельков.

– Куда едем? – спросил Кот. – На вещевой рынок?

– На блошатниках я давно не пасусь.

Жора прикурил от золотой зажигалки тонкую сигаретку, почти не содержащую никотина. Он выпивал только по большим праздникам, да и то пару рюмок, не больше и курил не часто, берег здоровье и свои золотые руки. Он трижды отбывал срока за кражу, причем два раза попадался по вине сообщников. Теперь он работал без ассистентов. Жора был щипачом наивысшей квалификации, как он сам говорил, мог снять крест со священника во время воскресной службы. Когда Кот позвонил ему и попросил достать настоящий паспорт, Бубен согласился, не раздумывая. В свое время, когда он только прибыл в Москву из провинции и постигал тонкости воровского ремесла, Кот достал ему пару хороших иномарок по смешной цене. Потом их пути надолго разошлись, и вот теперь, когда приятель попросил Жору о небольшом одолжении, тот был рад ему помочь.

Ехать пришлось на другой конец города, в огромный торговый центр. Бубен с Котом, побродив по одному из залов, пошли назад, приземлились за разными столиками кафе, будто не были знакомы друг с другом. С позиции Жоры, сидевшего ближе к входным дверям, можно было хорошо разглядеть лица посетителей, заходивших в центр.

С места Кота обзор тоже неплохой, но людской поток сливался в одну сплошную массу. Выхватить взглядом из толпы мужскую физиономию, хоть немного, по типу похожую на него самого, – задача не из легких.

После полудня народ повалил валом, и никакой рекламы, казалось, уже не требовалось, потому что сюда и так съехалось полгорода. Но по громкой связи в десятый раз объявили, что в торговом центре проводится грандиозная летняя распродажа, цены на определенные виды товаров снижены на пятьдесят и более процентов. Кот неторопливо допивал вторую чашку кофе и поверх развернутой газеты наблюдал за людьми. Временами казалось, что они с Бубном зря теряют время, найти похожего человека и выудить у него паспорт – задача практически невыполнимая.

Проторчав в кафе более двух часов, напарники сменили позицию для наблюдения. Они вышли из комплекса, встали поодаль друг от друга и стали ждать. Минут через сорок Бубен неожиданно тронулся с места и мгновенно растворился в потоке покупателей.

Еще через четверть часа в кармане Кота зазвонил мобильник:

– Я на втором этаже, – сказал Бубен. – Пятая линия, секция нижнего белья. Женского, не мужского. Поднимись по лестнице и иди по стрелке.

* * *

После обеда Чугур позвонил по телефону внутренней связи начальнику колонии и спросил, не найдется ли у него пары свободных минут для личного разговора. Разумеется, свободное время у Анатолия Васильевича нашлось. Как всегда, он, плотно пообедав в собственном кабинете, а не в офицерской столовке, усаживался за свежий кроссворд. За обедом он неизменно принимал внутрь сто граммов разведенного спирта. Чугур, хорошо знавший порядок жизни начальника, специально подгадал время, чтобы начать трудный разговор на сытый желудок, когда Ефимов пребывал в добром расположении духа.

Кум вошел в кабинет в кителе, застегнутом на все пуговицы, выглаженной рубашке, коротко по-деловому поздоровавшись, присел за стол для посетителей, давая понять разомлевшему начальнику, что зашел не просто языком почесать. Расстегнув планшет, Кум молча положил на письменный стол рапорт о своей отставке, отпечатанный на пишущей машинке с размашистой подписью внизу. Кум подготовился к разговору, хорошо зная, что выступления экспромтом ему даются плохо. Куда лучше выходит, когда наперед продумано каждое слово, все возражения начальства просчитаны и всегда есть в рукаве козырная карта.

На этот раз Чугур подготовился основательно, он понимал, что его отставка для Ефимова – все равно что гром среди ясного неба. Но откладывать дальше нельзя. Второго дня Чугур получил в районе загранпаспорт, а Ирине Будариной и оформлять ничего не нужно. Третий год подряд она ездила на отдых в Турцию.

– М-да, подкладываешь ты мне свинью, – сказал Ефимов, пробежав взглядом машинописные строки. – Ты же знаешь: я в отпуск собираюсь. Тоже выбрал время. Только о себе думаешь?

Как ни странно, в голосе начальника не слышалось ноток гнева или обиды. Кажется, рапорта Кума он ожидал давно и был готов к такому повороту событий:

– Ну, Сережа, давай отложим это дело хоть до осени?

– Никак не могу...

Кум, тронутый теплым товарищеским тоном Ефимова, выбросил из головы все домашние заготовки, весь этот надуманный лепет. Он провел ребром ладони по горлу и сказал:

– Слушай: вот где у меня эта собачья служба, эти зоны и эти эки. Устал я как старый конь. И усталость эта не проходит ни после бани, ни после водки, ни после бабы. Товарищ полковник, Анатолий... Я свое этому делу отдал. И упрекнуть меня не в чем. Может, о себе я не забывал. И кое-чего скопил на старость. Есть такой грех. Но и службу свою туго знал. Сам знаешь: эту поганую зону я вот где держал.

Он выставил вперед раскрытую ладонь и сжал пальцы в кулак.

– Анатолий, я понимаю, что не ко времени все это, – продолжил Кум. – Но о себе тоже надо подумать. Для себя пожить. Сколько уж мне осталось... Десять лет? Двадцать? Хорошо бы так.

– Не прибедайся, с твоим богатырским здоровьем ты еще полвека пропыхтишь. И не заметишь.

– Может быть, – кивнул Кум и сказал то, чего говорить не хотел. Впрочем, и скрывать смысла нет. Земля слухами полнится. Не сегодня, так завтра Ефимов все равно узнает: – Я третьего дня подал заявление. Развожусь со своей дурой, чтоб ее свиньи съели. А с Ириной поженимся. Я все равно с женой уж два года не живу. Дети выросли. Так на что мне эта колотушка в паспорте? И разговоры по всему поселку: Чугур опять к своей крале лыжи намылил. Тьфу...

Ефимов помолчал, убрал рапорт в папку и сказал:

– Тут случайно услышал разговор, у магазина бабы болтали, будто твоя Ира дом продает. Вы что же, хотите уехать с концами?

– Окончательно еще не решили, – промямлил Кум. – Еще думаем, прикидываем. Туда-сюда...

– Покупателей уже нашли?

Кум замялся, пожал плечами:

– Да был один человек на примете, приценивался, – перед глазами у него встало лицо убитого в Москве Резака, – но потом куда-то пропал. Видно, передумал купить.

Оказывается, Ефимов знал обо всем еще до того, как на его стол лег рапорт. Много лет назад начальник ИТУ начинал оперативником, работал на улицах, ловил шпану и мелких уголовников. Видимо, до сих пор не забыл, чему научили в угрозыске. Бабы у магазина болтали, как бы не так. У Ефимова есть свои источники информации. Он только с виду простоватый мужик.

– Честно говоря, хочется уехать, – Кум решил не врать напоследок. – Может, подадимся в теплые края.

– Что ж, Сережа, мы неплохо поработали, – у Ефимова погрузнели глаза. – Рапорт завтра же наверх пойдет. А я кого надо напрягу, чтобы побыстрее. Но недели две-три подождать придется. Сам понимаешь, тут не все от меня зависит. И еще: не нравится мне это. Твоя отставка после этой истории с Котом больше напоминает бегство.

– Глупости, – Кум положил руку на сердце и сказал, как под присягой: – Чушь собачья.

– Сережа, скажи мне честно: нам светят неприятности? – Ефимов испытующе посмотрел на подчиненного: – Что-то случилось?

– Ничего нам не светит, – покачал головой Чугур: не хватало только обсуждать эту темную историю с гибелью Резака здесь, в этих стенах, с самим начальником колонии, – а иначе ты бы узнал обо всем первый, клянусь богом...

* * *

Кум вышел из административного корпуса под вечер. Заходящее солнце спряталось за тучи, быстро стемнело, уже вторые сутки без остановки шел дождь, то едва накрапывал, то лил как из ведра. Кум думал, что разговор с Ефимовым не отнимет больше получаса, а они до вечерней зорьки засиделись. Поговорили честно, по-мужски, выпили по сто пятьдесят водочки. И еще поговорили. И еще добавили и закусили.

Чугур чувствовал легкое опьянение, после мужского разговора с Ефимовым с души словно камень свалился. Начальник обещал не чинить препятствий и все устроить в самый короткий срок.

* * *

Оказавшись на втором этаже торгового центра, Кот не сразу понял, куда идти, а сообразив, нашел секцию женского белья, но напарника там уже не оказалось. Он торчал поодаль, у дверей какой-то лавки или бутика, делая вид, что разглядывает товар в витрине. Поравнявшись с ним, Кот на несколько секунд остановился, чуть наклонился вперед, сделав вид, что заинтересовался парой мужских ботинок. Мимо непрерывным потоком шли покупатели – утомительный калейдоскоп человеческих лиц.

– Вон тот мужик в сером клетчатом пиджаке и голубых джинсах, который стоит боком к двери, – прошептал Бубен, прикрывая рот ладонью. – Как тебе?

– По-моему, он на меня совсем не похож.

– Это по-твоему. А у меня глаз как алмаз. Приезжий, по повадкам видно. Значит, паспорт у него, рупь за сто, при себе. И баба с ним, вон та лохушка в сарафане, которая туфли примеряет.

Через мгновение Жору унесло людской волной. Как было условлено, Кот побрел вдоль витрины, спустился на первый этаж, побродил там минут двадцать. Затем вышел на улицу покурить и снова вернулся в то кафе, откуда начали наблюдение. Он сел за столик и заказал пиццу и бутылку минералки. Жора сейчас пасет того клетчатого фраерка, дожидается момента.

Костян смотрел на пеструю толпу, перебирал глазами празднично одетых людей, задерживая взгляд на красивых женщинах. А красивых женщин оказалось столько, что за день неведом не переловишь. Многие покупатели приезжали сюда на целый день, здесь устраивались какие-то аттракционы для детей, работали кинотеатры. А покупки, это так... Между делом.

Кот жевал и думал, что за годы, проведенные в неволе, отстал от жизни. Она промчалась стороной, на полной скорости, как поезд с курортниками мимо вокзального нищего. Но теперь можно наверстать упущенное, еще есть шанс запрыгнуть на подножку этого поезда, в котором полно красивых женщин и ресторан работает всю ночь. Можно... Но сначала надо оплатить один счет и выполнить одно поручение. Всего-то и дел.

* * *

Жора Бубен сохранял полное спокойствие и держался на почтительном расстоянии от своей будущей жертвы, издали безошибочно определяя сотрудников службы безопасности торгового центра, болтавшихся среди покупателей. Ноги в мягких мокасинах уже начинали гудеть от усталости. Но он увидел все, что хотел увидеть. Мужик правша, на нем пиджак с пятью карманами. Чувак платит налом, носит бумажник в левом внутреннем кармане пиджака. Это даже не бумажник, а здоровенное портмоне из тонкой бордовой кожи с позолоченными уголками. Паспорт в портмоне. Там же деньги, две кредитки и какие-то бумажки.

Обед давно миновал, а мужик со своей бабой все бродили по торговым павильонам, словно они не за барахлом пришли, а совершали долгую пешую прогулку. Он что-то недовольно бубнил на ухо своей спутницы, та отмахивалась от спутника, как от назойливой мухи, и рыскала взглядом по полкам и стеллажам. Наконец с двумя продолговатыми коробками они вышли из очередного павильона и двинули в сторону кафе на втором этаже.

– Подгребай, примешь товар, – сказал Бубен в трубку мобильного. – Второй этаж, третья линия, кафе "Альянс".

Парочка уселась за круглый столик неподалеку от входа, подрулил официант, что-то черкнул в блокноте и не успел принять заказ и отойти, когда Бубен, отодвинув свободный стул и очаровательно улыбнувшись, обратился к женщине.

– Вы не возражаете?

Женщина не возражала. Бубен сел по правую руку от мужчины и заказал официанту бутерброд с бужениной, креветочный салат и кружку пива.

– Виталик, а мы в театр успеем? – спросила женщина своего спутника и полезла в сумочку за пудреницей, забыв о том, что задала вопрос.

– Успеем, Верунчик, – кивнул Виталик. – Если тут не заблудимся.

Мужик расслабился, расстегнул вторую пуговицу рубашки. И сделал первый самый сладкий глоток из запотевшей кружки пива, которую принес расторопный официант. По физиономии гостя столицы было заметно, что он очень утомлен и разочарован визитом в это заведение. Виталий вынужден таскаться следом за своей женой или любовницей, расстегивать кошелек и платить за ее покупки, вместо того чтобы нежиться в лучах телевизора в прохладном гостиничном номере.

Жора, не поднимая головы, ковырялся в салате, периферическим зрением он заметил, что Кот уже сидит через столик от него и читает меню с таким усердием, будто хочет выучить его наизусть. Теперь, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что Виталик, несомненно, похож на Костяна. Тот же разрез глаз, нос с едва заметной горбинкой. Парень моложе Кота лет на пять, он выше ростом, но уже в плечах. Волосы темнее и прическа совсем другая.

Но все это – мелочи, по большому счету они не имеют значения. Во-первых, волосы на черно-белых фото всегда выходят темнее, чем они есть в натуре. Во-вторых, достаточно самого общего сходства с вклеенной в паспорт фотографией – и никаких проблем у его нового владельца документа не возникнет.

– Официант где-то пропал, – поделился наблюдениями Жора и поднял кружку, на дне которой плескалось немного пива. – Надо бы повторить...

Мужчина рассеянно кивнул в ответ. Бубен поднялся на ноги, сделал неуверенный шаг в сторону барной стойки, но неожиданно зацепился носком ботинка за стул, резко наклонился в сторону, чтобы сохранить равновесие. И выплеснул недопивки на плечо Виталика. Кот со своего места видел, как подскочил облитый пивом мужчина. Жора, поставив на стол пустую кружку, бросился вытирать салфетками пятно на плече, приговаривая:

– Хорошо бы солью присыпать. Солью хорошо...

– Ничего, ничего, – отвечал Виталик. – Не волнуйтесь, ерунда... Это же не кетчуп.

Жора чуть приподнял пиджак, правой рукой потянув его вверх за плечо, пальцы левой руки уже проникли во внутренний карман. Кот поднялся с места, неторопливо двинулся по проходу мимо Жоры и Виталика. Бубен, продолжая тянуть пиджак наверх, опустил левую руку с бумажником, зажатым между пальцами. Кот перехватил добычу, сунул под полу пиджака, подошел к стойке и, купив пачку сигарет, вышел из кафе. К этому моменту Бубен был уже далеко. Только Виталик, опустившись на стул, все тер салфеткой пятно на плече.

* * *

Через десять минут Кот спустился на первый этаж, нашел кабинет старшего администратора. Миловидная женщина в фирменном синем костюме и светло-голубой блузке напоминала стюардессу международных авиалиний. Он протянул ей портмоне и объяснил, что нашел его у одного из павильонов на втором этаже, заглянул, а там около пяти тысяч рублей и триста зеленых.

– Огромное вам спасибо, – женщина поднялась из-за стола: она была искренне тронута и очарована обаянием и душевной простотой этого чудесного человека. В ее практике было немало случаев, когда возвращали кошельки, но всегда пустыми.

– Вы даже не представляете, как приятно встретить честного человека. Давайте я запишу ваше имя и координаты. Если мы найдем хозяина кошелька, а мы его найдем обязательно, он, наверняка, захочет вас отблагодарить.

– Спасибо на добром слове, – улыбнулся Кот, – но благодарности – это лишнее. Вы же понимаете, так поступил бы на моем месте каждый честный человек.

– Конечно, конечно, – кивнула администратор зала, но в душе не согласилась с этим утверждением. – Каждый. Всего вам доброго и... Еще раз спасибо.

Через минуту Кота уже не было в кабинете, он бодро шагал к машине. Деньги и кредитки остались нетронутыми, из бумажника исчезли лишь паспорт и случайно оказавшиеся там водительские права. Это значит, что его владелец не станет обращаться в милицию с заявлением о краже. Если деньги на месте, значит, и кражи не было. Вернувшись домой, он напишет заявление в паспортном столе, где менты попросят его указать отдельной строкой, что кражу паспорта гражданин не допускает в принципе. Без этой приписки хрен он получит новую ксиву.

Кот сел в машину и, дожидаясь возвращения Жоры, внимательно рассмотрел трофеи. Гражданин Елистратов Виталий Андреевич, тридцати четырех лет от роду. Паспорт выпущен пять лет назад. Женат, прописан в Питере по адресу такому-то. А что, Бубен оказался прав, этот Елистратов на него сильно смахивает. Особенно, – если учесть, что за пять-то лет человек может сильно измениться.

Водительские права... На этот жирный бонус Кот никак не рассчитывал, теперь отпали многие проблемы. Сегодня же Кот достанет новые номера на джип, через нотариуса, в свое время помогавшего с оформлением документов на угнанные автомобили, получит доверенность от имени покойного Димона, оформленную на гражданина Елистратова. И все, пешка проходит в дамки самым коротким маршрутом. Какое-то время бумером можно пользоваться почти на законных основаниях, а потом придется толкнуть его по льготной цене какому-нибудь лоху.

В это время по громкой связи торгового центра дали объявление о найденном бумажнике. Уже через десять минут Елистратов и Вера стучались в дверь администратора, где уже сидели два сотрудника службы безопасности и женщина, похожая на стюардессу.

– Что у вас было в бумажнике? – спросила она строгим голосом. – Расскажите подробно о каждой мелочи. А потом составим опись.

– Деньги у него там были, – ответил за мужа Вера и назвали точную сумму. – И еще кредитки. Правда, на карточках мизерные суммы. И еще квитанция из химчистки.

– Там был мой паспорт, – промямлил Виталий, – и водительское удостоверение.

– В бумажнике нет никакого паспорта, – администратор свела брови к переносице. – И удостоверения тоже нет.

– Я говорю: кажется, – поправил себя Виталий. – Ну, я могу и ошибаться. Может, в гостинице оставил. Или еще где... Не знаю. Но я помню номера кредиток. А квитанция из химчистки на мое имя.

Через полчаса они с женой вышли из торгового центра и сели в такси.

– А ты говорил, что в Москве жуликов полно, – Вера укоризненно покачала головой. – А тут такое... Кому рассказать – не поверят. Все до копейки вернули. Есть же на свете честные люди.

– Да, удивительная история, – согласился муж.

Он старался припомнить, где мог оставить паспорт и права, но так ничего и не вспомнил.

* * *

Под дождем дотопав до бетонного гаража на десять машин, Кум приказал водителю, солдату-срочнику, болтавшемуся без дела в ожидании начальника, садиться в машину. До дома сегодня ехали больше обычного, четверть часа – дорога совсем раскисла. Возле поселка служебный уазик сначала пошел на подъем, а потом едва не съехал в кювет. Пару минут они барахтались в жидкой грязи, как свиньи Антонины Ивановны. Чугур, устроившись на переднем сиденье, всю дорогу угрюмо молчал. И только когда подъехали к дому, процедил сквозь зубы:

– Жди здесь. Через десять минут вернусь.

Дождь пропустил с новой силой. Кум поднялся на крыльцо, толкнул дверь и, не снимая грязных сапог, вошел в горницу и врубил верхний свет. Предварительный разговор с женой состоялся два дня назад. Антонина Ивановна никак не могла поверить, что его связь с продавщицей из соседнего поселка может разрушить их семью, налаженный быт. Она плакала, перечисляла обиды, копившиеся годами. Когда Куму надоело слушать эти всхлипы и бессмысленные обвинения, он поднялся из-за стола и пару раз приложил жене по лицу открытой ладонью. Пощечины оказались такими увесистыми, что супруга села на пол и разрыдалась.

Немного успокоившись, легла на кровать, сделав вид, что заболела. А, может, и вправду заболела, и вот уже второй день вставала с постели только для того, чтобы свиней покормить. Если она рассчитывала, что в душе мужа шевельнется жалость и он изменит решение, то расчет этот был наивным и глупым до крайности. Прожила с человеком жизнь, но так и не поняла, что характер у мужа твердый, как сталь. Если уж Чугур что решил, то доведет задуманное до конца и бабские слезы его не остановят.

Два собранных чемодана из искусственной кожи стояли у дверей, на стуле лежала дорожная сумка, купленная в прошлом году в Москве. Протопав через всю комнату, Кум приоткрыл дверь в спальню. Жена, накрывшись одеялом до шеи, лежала на боку и смотрела на него глазами побитой собаки. Кум откашлялся в кулак, неожиданно для себя почувствовав легкое волнение.

– Прощай, Антонина, – сказал он, – может, когда увидимся.

Ему хотелось найти какие-то добрые слова, как-никак без малого четверть века в браке прожили. Но слов не было, словно они потерялись на раскисшей колее. Он постоял на пороге, ожидая, что Антонина хоть что-нибудь скажет в ответ, но жена молчала. Только когда Чугур повернулся, чтобы уйти, жена вдруг открыла рот и брякнула:

– Может, свидимся, Сергей. Даст бог, на твоих похоронах. Приду глянуть, как тебя в землю закапывают в сосновом ящике.

– Дура, сволочь, – расстроился Кум. – Что б тебе...

У дверей он повесил на плечо дорожную сумку с иностранной надписью, подхватил чемоданы и вышел под дождь, распахнув дверь ударом ноги. Не таким он представлял себе расставание с женой, хоть и бывшей, и домом, где прожил без малого десять лет.

* * *

Через полчаса он занес вещи в дом Будариной, переоделся в спортивный костюм и вежливо отклонил предложение Ирины лечь спать пораньше. Кум включил радио и долго сидел за столом, уставившись в темное окно, разглядывал полоску темного леса на горизонте и огоньки дальней деревни, похожие на поминальные свечи. Дом Ирины Степановны стоял на высоком месте, откуда далеко видны все окрестности.

Попугай Борхес неотрывно смотрел на Кума из своей клетки, стоявшей на столике в углу комнаты. Глазки у птицы темные, как гранатовые бусинки, клюв хищно искривлен. Что за мерзкая тварь. Чугур не переставал ругать себя за то, что притащил к Ирине в дом эту мерзость. Борхесу самое место ему за колючкой, пусть бы плевался шелухой от семечек и ботал по фене всякий вздор.

– Борхес хорошая птичка, – сказал попугай своим картавым металлическим голосом.

– Что б тебя... – Кум поискал взглядом черную шаль, служившую покрывалом, чтобы накинуть ее на клетку и заставить птицу замолчать, но тряпка куда-то подевалась.

– Мурка, мур-мур-муреночек, – сказал Борхес с еврейским акцентом. – Мочи мусоров, братва...

– Что б ты сдох, черт каторжный, – в сердцах выругался Чугур.

Он подумал, что попугая с собой на Кипр они, разумеется, не потащат. Поэтому терпеть Борхеса недолго осталось. Он уже трижды звонил в Москву в агентство "Дискавери плюс" по телефону, указанному в журнале "Недвижимость за рубежом". Первый раз ему вежливо ответили, что на особняк уже нашелся покупатель. Во второй раз повторили те же слова, но уже любезным тоном. На этот раз менеджер Вадим Петрович Жаров вставлял в разговор выражения "может быть" и "весьма вероятно".

Кум едва не ляпнул, что потенциальный покупатель Дима Пашпарин уже в могиле лежит и недвижимость на Кипре ему без надобности, но вовремя прикусил язык. На третий раз Кум заявил, что готов внести предоплату в размере пятидесяти процентов, и Вадим Петрович сменил холодный тон на благожелательный. Он сказал, что если покупатель, сделавший предварительную заявку, не объявится в течение ближайших двух дней, Чугур может приехать в их контору и начать оформление бумаг. Вся эта бюрократическая процедура не займет больше недели. Что ж, послезавтра надо пилить в Москву.

– Кольца и браслеты, юбки и жакеты, – крикнул Борхес. – Статья сто пять прим... На Кипр... Море... Умри, мусор... Умри...

Кум услышал, как заскрипела кровать в спальне. Значит, Ирина легла. А ему не спалось. Он встал, отыскал на диване шаль и накрыл ею клетку.

– После прогноза погоды на нашей волне концерт для полуночников, – бодрым голосом сказал диктор. – Мы постараемся выполнить все пожелания наших слушателей...

Кум выключил приемник. Почему-то в последние дни под вечер на него накатывали тоска и тревога. Ночами чудились чьи-то шаги за окном, скрипы половиц в сенях. Теперь он спал не с Ириной, как раньше на широкой кровати, а на диване в горнице и клал под подушку пистолет. Да и заснуть долго не мог, снотворного Сергей Петрович не признавал, водку пить на ночь не любил. Тут помогала книжка, наверное, самая скучная на свете, под названием "Рассказы о Ленине".

Чугур уже по третьему кругу мусолил байки о вожде мирового пролетариата и обычно засыпал за чтением рассказа "Ленин и часовой". Если книга не помогала, он поднимался, курил и снова ложился. Сейчас, в наступившей тишине, снова чудились странные шорохи за окном, скрип досок и тихие шаги. Он включил торшер на тонкой железной ножке, раскрыл книгу и, сладко зевнув, стал читать рассказ о том, как Ленин купил одному мальчику игрушку.

Глава вторая

К полудню Кот добрался до цели своей поездки: избушки, стоявшей на самом краю поселка Лебединский. Четыре года назад тут был пост охотничьего хозяйства, где работал егерем Владимир Николаевич, отец Лехи Киллы. Сюда всей компанией они заваливались, когда хотелось пострелять по бутылкам или просто отдохнуть на природе.

Хлопнув дверцей, Кот вылез из джипа, остановился и задумался. Моросил мелкий дождь, пахло свежестью. Казалось, время обошло стороной это место. Все тут осталось по-прежнему. Потемневшая избушка из круглого леса с высоким крыльцом и крышей, крытой дранкой. Два окна глядят на заброшенную грунтовую дорогу, еще одно выходит на опушку леса. Все те же замшелый сруб колодца, большой сарай для дров и сена. Покосившаяся загородка из подгнивших столбиков и жердей. Тропинка к дому заросла высокой травой, на ней выросли две молодые березки. Судя по всему, егеря здесь появляются нечасто: то ли бензин нынче берегут, то ли охотников поубавилось.

Кот дошагал до крыльца, сунул руку под нижнюю ступеньку, перевернул доннышко плаستيновой бутылки. Удивительно – и ключ на месте.

В единственной комнате помещались три железные койки, накрытые шерстяными одеялами. Стол и еще кое-какая самодельная мебель, в светлом углу ближе к окну – рукомойник и зеркальце. На гвоздике у двери висит ключ от сennого сарая.

Перекусив консервами и выпив минералки, Кот разложил на столе большую карту и надолго склонился над ней. Егерский дом примерно в ста восьмидесяти километрах от зоны. А до города Карамышин, где живет сестра Кольки Шубина, судя по карте, отсюда всего-то верст восемьдесят. Крюк небольшой, особенно когда рядом добрая тачка. Можно сгонять туда, разыскать Дашку. Она, как говорил Колька, подрабатывает официанткой в дядькиной закусочной.

Кот в задумчивости тер ладонью колючий подбородок. Он третий день не брал в руки бритву, потому что плохая примета снимать щетину перед делюгой.

Ему подумалось, что встретиться с этой Дашкой – всегда успеется. Ну найдет он ее, все расскажет, все объяснит, если, конечно, она захочет выслушать рассказ. Но что ему сказать в ответ, если девчонка спросит: "Почему этот Чугур до сих пор жив? Почему до сих пор землю топчет?" Сказать нечего, зато от Кума можно ждать любых фокусов.

Наверняка, весть о том, что Кот жив, а Резак отбросил копыта, уже дошла до Кума. Как он поведет себя? Что предпримет? Будет просто сидеть и ждать неизвестно чего? Сомнительно...

Хотя почему сомнительно? Наверняка, Чугур и в голову не берет, что можно вот так запросто приехать в поселок, который он считает своей вотчиной, чем-то вроде приложения к зоне строгого режима, в поселок, где каждая собака его знает и боится. Вот так вот заявиться и хоть пальцем его тронуть, хоть слово сказать. И от Кота, человека бесправного, гуляющего на воле с портянкой в кармане, да и та выписана на имя покойника, он такой безрассудной смелости, граничащей с отвагой, просто не ждет.

Людей он меряет по себе. На этой иерархической лестнице заместитель начальника колонии по режиму стоит на десять, нет, на все сто ступеней выше Кота. Кум из касты неприкасаемых. Расчет по сути верный, но одна ошибка все же вкралась. Чугур держит Огородникова за быдло, а на самом деле все наоборот.

* * *

Ближе к обеду Костян распахнул ворота сеного сарая, загнал в него машину. В дальнем углу куча прошлогоднего прелого сена, чтобы замаскировать бумер, этого не хватит. Кот утешил себя мыслью, что людей тут неделями не бывает и ничего с джипом не случится. Вернувшись в дом, он скинул с себя костюм, сорочку и ботинки. Разложил вещи на койке, чтобы не помялись. Вытащил из рюкзака джинсы, купленные в Москве, клетчатую рубашку и кеды. Засунул в рюкзак кое-какие шмотки, пистолет, снаряженную обойму, складной нож, набор отмычек, пластиковую бутылку воды, куски хлеба в целлофановом пакете, пяток вареных яиц, фонарик и две банки рыбных консервов.

Еще через полтора часа он пешком добрался до трассы, остановил попутный грузовик и попросил водителя подбросить его до станции. Со стороны Кот напоминал туриста, путешествующего налегке, автостопом.

В кассе по паспорту Виталия Елистратова он купил билет в общий вагон, узнал, что поезд останавливается здесь только на две минуты и произойдет это радостное событие только через два с половиной часа. "Тем лучше, – решил Кот, – остается время перекусить по-человечески и немного проветриться".

Он пообедал в привокзальном ресторане, потерся на рынке в ряду, где продавали поношенные вещи. Небо немного очистилось от туч и дождик прекратился, но покупателей было мало. Кот примерил темно-коричневый в черную полоску пиджак с засаленными локтями и подкладкой из искусственного шелка. Видимо, его бывший обладатель был человеком могучего сложения. В плечах клифт свободен, на спине лишние сладки, а вот рукава немного коротковаты. Но выбирать тут не из чего. Кот купил пиджак, а заодно солдатскую фуфайку защитного цвета, серую кепку-шестиклинку, резиновые сапоги, нитки с иголкой и небольшую корзину, сплетенную из ивовых прутьев.

Он зашел в пустой привокзальный туалет, снял промокшие кеды, натянул на себя обновы. Обрезал ножиком высокие голенища сапог. И долго разглядывал в зеркале свою небритую физиономию, надвинутый на лоб козырек кепчонки, чужой пиджак и фуфайку под ним. В общем и целом остался доволен. По виду явно не столичный житель, но и не деревня. Скорее – серединка на половинку, мужик из рабочего поселка или городского пригорода, не отягощенный интеллектом и образованием. Восемь классов школы, потом работа где-нибудь в механических мастерских по слесарной части, семья, дети, телевизор...

Кот разорвал подкладку пиджака по шву, при помощи иголки и нитки сделал на груди что-то вроде потайного кармана и засунул туда Колькино письмо, фотографию Дашки и справку об освобождении. Если дело дойдет до серьезного шмона, эти вещи найдут. Но тут есть что ответить: пиджак куплен на барахолке, а что там в его карманах – сам черт не знает.

Перед посадкой на поезд к Коту подошли трое милиционеров и попросили показать документы. У него болезненно сжалось сердце от дурного предчувствия...

* * *

Следователь уголовного розыска майор милиции Юрий Иванович Девяткин только потому не вызывал повесткой на Петровку вдову Дмитрия Пашпарина, что не хотел лишний раз морально травмировать бедную женщину. Он сам напросился к ней в гости, но скоро пожалел о своем великодушии. В этой роскошной квартире Юрий чувствовал себя бедным родственником, которого пригласили на чай из жалости или сострадания, и теперь хозяева тяготятся его присутствием.

Елена Павловна, одетая в темное строгое платье, оказалась не расположена к разговору, отвечала сухо и односложно, врала и не краснела. Она посадила гостя за длинный обеденный стол красного дерева, села напротив него и стала выразительно поглядывать на золотые часики. Потратив полчаса, Девяткин понял, не установил человеческого контакта с вдовой Димона, но продолжил упрямо гнуть свою линию, задавать одни и те же вопросы, формулируя их по-разному.

– Я надеялся, что мы поговорим откровенно без протокола, – сказал он, – но создается впечатление, что вы не очень-то заинтересованы в раскрытии убийства мужа. Не хотите помочь следствию.

– Наоборот, хочу помочь, но только не знаю, как и чем.

Всякий раз, открывая рот, чтобы ответить на вопросы Девяткина, Лена на несколько секунд задумывалась. И спрашивала себя: а что бы сейчас сказал Димон, будь он жив. И не могла придумать ничего путного. Ясно одно: ничего хорошего этот мент от него не добился бы. Ни слова правды.

– Вы утверждаете, что накануне гибели вашего мужа к нему приехал какой-то человек, так?

– К нему приехал друг, – уточнила вдова.

– В той среде, где вращался ваш покойный муж, слова "дружба" или "друг" не имеют смысла, можно сказать, не существуют, – покачал головой Юрий Девяткин. – Их заменяют понятия "деловой партнер" или что-то в этом роде. Но будь по-вашему: к Диме приехал друг. И?

– Я уже все это три раза рассказывала. Они где-то провели вечер. Кажется, в ресторан ходили или еще куда. А потом вернулись. Было поздно, я уже дремала и не вышла. Они посидели за этим самым столом, где сейчас сидим мы. И пошли спать. Диминого приятеля я не видела ни вечером, ни утром. Они рано поднялись и уехали. Вот и все, что я знаю. Можно вопрос? Что происходит в фирме, которую возглавлял мой муж? Телефоны молчат...

– Обычная рутина, – не дал договорить Девяткин. – Мы изъяли документы, печати и штампы, системные блоки компьютеров для проверки финансово-хозяйственной деятельности фирмы. Поэтому в офисе никого нет. Кстати, бумаги оказались в таком плачевном, запущенном состоянии, что проверять нечего. И никто из сотрудников фирмы помочь нам не желает. Все куда-то уехали, разбежались. Концов не найдешь. Даже вы не хотите пояснить следствию, каким видом бизнеса занимался ваш муж. Точнее, его фирма "Альянс-Ойл".

– Я точно не знаю, – после паузы ответила Лена. – Что-то связанное с оптовой продажей или производством горюче-смазочных материалов. Я никогда не вникала в дела Димы, потому что он этого не позволял.

– Разумеется, не позволял, – усмехнулся Девяткин. – Но мы разберемся, что к чему и без вашей помощи. Только времени потребуется больше.

– А разве финансовая деятельность фирмы имеет отношение к случившемуся?

– Самое непосредственное, – кивнул Юрий. – Бизнесменов убивают не за политические убеждения, а за деньги, и только за деньги. По моим данным, ваш муж ворочал большими деньгами. Ну, вроде как сам себе жизнь укорачивал. Как зовут этого друга, вы тоже не вспомнили?

– Кажется, Николай.

– Очень хорошо, прошлый раз друга звали Виктором. С места происшествия пропал джип БМВ, оформленный на вашего супруга. Есть основания полагать, что на машине уехал этот самый, условно говоря, друг. Машину ищут и найдут рано или поздно, но вы можете облегчить поиски. Подумайте и вспомните имя этого человека, фамилию или кличку. На худой конец, дайте описание его внешности. Учтите, что именно он, по нашей версии, и совершил это преступление. Своим молчанием вы вольно или невольно помогаете убийце.

– Не знаю, честное слово. Я не видела его.
– Подумайте. Я же вас не тороплю.
– Я уже сказала, что не знаю, ни имени, ни клички.
– А вы еще подумайте.
– Представления не имею, о чем тут думать.
– Ладно, – сдался Девяткин. – Может быть, память вернется к вам завтра. Скажем, часикам к десяти.

Он оставил на столе повестку о вызове на допрос свидетеля и предупредил, что оформит принудительный привод Пашпаринной, если она надумает бегать от следствия.

* * *

Через час Девяткин появился в здании межрайонного управления внутренних дел, предъявив дежурному удостоверение, быстро спустился в подвал, в небольшой обставленной конторской мебелью комнате его ждали капитан Мирзоев, старлей Лебедев и двое муровских оперативников в штатском (Получается, его ждали четыре человека? А ждали его двое). Лучше: двое муровских оперативников в штатском: капитан Мирзоев и старлей Лебедев.

А за стеной, в пустом следственном кабинете второй час скучал заместитель генерального директора фирмы "Альянс-Ойл" Алексей Косенко. Этого типа можно было доставить на Петровку и допросить там. Но Девяткин дал распоряжение группе силового прикрытия и двум операм доставить бизнесмена сюда, впереди серьезный допрос, который может продлиться часов десять, а то и больше. Такие дела удобнее проворачивать не здании ГУВД, а где-то на стороне.

– Ну, что с Пашпаринной? – спросил Мирзоев. – Глухо?

– Из-за этой проشمандовки я, блин, полдня потерял, – ответил Девяткин. – Лучше бы выспался. И вообще это дело не убойного отдела МУРа, это скорее для УБЭПа. А чего у вас?

Мирзоев доложил, что Косенко задержали в аэропорту Домодедово, где он дожидался рейса на Стамбул. У него была горячая путевка, купленная позавчера в одной из московских туристических фирм. Оплачен обратный билет и десятидневное проживание в одном из дорогих отелей.

– Хорошо, ждите здесь, – сказал Девяткин. – Я поговорю с ним полчаса, от силы минут сорок.

Девяткин вошел в следственный кабинет, присел за стол и пару минут молча пялился на Косенко. Моложавый черноволосый мужчина лет тридцати пяти, упакован по высшему разряду: дорогой итальянский костюм цвета индиго, швейцарские часы в корпусе из белого золота, заковка с алмазом на галстук. И еще шикарный причесон и маникюр. Юрий подумал, что внешний лоск, скоро облетит с Косенко, как пыльца с бабочки. Девяткин назвал свое имя и должность, достал из портфеля бланк допроса свидетеля и задал анкетные вопросы. Фамилия, имя и отчество, дата и место рождения.

Косенко прищурился и, не ответив ни на один из вопросов, выпалил те именно слова, которые ждал от него следователь. Приличному человеку, бизнесмену испортили отпуск, он будет жаловаться в московскую прокуратуру, а если потребуется, пойдет и выше, у Косенко обширные связи, он не скажет ни слова, пока в кабинете не появится адвокат. В этой стране пока еще существуют законы, Конституция и права гражданина. И так далее.

– Мы занимаемся убийством вашего компаньона и ближайшего друга, – доброжелательно и спокойно ответил Юрий, – а под вашу фирму не копаем. Задержаны вы лишь для того, чтобы внести в дело ясность. Никакого обвинения вам предъявлять не станут. В обо-

зримом будущем. Я хочу знать о последних днях жизни Пашпарина. Точнее, хочу знать, что за человек приезжал к нему в гости?

– Мне это по фигу. Димон о своих знакомых не докладывал.

– Секретарь Пашпарина видела этого человека, он приходил к вам в офис. Мужчина лет тридцати, шатен, рост чуть выше среднего, особых примет не имеется. Плохо одет, стоптанные ботинки. Вы, наверняка, видели его хоть краем глаза.

– Не видел.

– Хорошо, – сказал Юрий и задал вопрос по-другому: – В списках посетителей, который ведет вневедомственная охрана, значится некий Николай Шубин. Точнее, он назвался Шубиным. Этих Шубиных в России хоть пруд пруди, как ивановых-петровых-сидоровых. Теперь я хочу знать, что это за человек?

– Откуда я-то знаю? – не спрашивая разрешения, Косенко прикурил сигарету. – Он ведь не ко мне пришел.

– По словам секретаря, Дима готовился к этому визиту, – невозмутимо продолжил Девяткин. – Волновался с утра. Потом отъехал по делам, а когда вернулся, Шубин уже сидел в его кабинете.

– Возможно, – кивнул Косенко, – но при чем тут я?

– Вы же компаньоны, виделись десять раз на дню. Неужели Дима не назвал вам какое-нибудь имя? Ни слова не сказал о нем, не упомянул о своем приятеле?

– Ничего он не говорил.

– Бросьте, Алексей Иванович, – Девяткин тепло улыбнулся, хотя едва сдерживал злость. – Ведь к встрече с Николаем Шубиным Пашпарин долго готовился, волновался. А на следующий день умер насильственной смертью. Странно это. Как вы думаете?

– Что странно? Что люди смертны?

Еще четверть часа Девяткин повторял те же самые вопросы и слышал те же ответы. Когда понял, что толку не будет, убрал незаполненный бланк протокола в портфель, посмотрел на часы и сказал:

– Вы еще относительно молодой человек, Косенко, а память у вас дырявая, как у старого пердуна. Ладно, посидите тут еще немного. Подумайте. А у меня срочный вызов. Вернусь часа через полтора. И мы продолжим наши изыскания...

* * *

Через пять минут дверь кабинета открылась и снова захлопнулась. Вошли Мирзоев и Лебедев. Старлей стал болтаться по кабинету, переходя из угла в угол и обратно. Косенко узнал оперов, которых сегодня утром уже видел в аэропорту. Он подумал, что настоящий допрос еще не начинался, все еще впереди.

Мирзоев уселся на стол, свесил ноги и прикурил сигарету.

– Хотел за границу смыться? – спросил он.

– Я ехал отдыхать по путевке.

– Ты ведь Косенко, так? – спросил Мирзоев. – Знакомое имя. Мы вроде как встречались, братан? Косенко... Он же Банщик, он же Таран. Две судимости. Одна за нанесение побоев, повлекших смерть потерпевшего. Вторая за мошенничество. Член одной из подмосковных организованных преступных группировок. Правильно?

– Правильно, – выдавил из себя Косенко. – Только это все в далеком прошлом.

Мирзоев не слушал, он и не ждал ответов. Погруженный в собственные мысли, стряхивал пепел на дорогие, с идеально заглаженной стрелкой брюки Косенко. Дососав сигарету, бросил окурок в лицо задержанному.

В ту же секунду сзади на него навалился Лебедев, в недавнем прошлом бравший все призы в ведомственных соревнованиях по вольной борьбе. Не позволяя Косенко подняться со стула, провел удушающий захват. Просунул руку под подбородок, сжал ее в локтевом сгибе. Когда Косенко начал задыхаться, дал глотнуть кислорода, ослабив хватку, потом снова сдавил горло так, что физиономия Косенко побагровела. И снова дал кислород...

* * *

Костян изо всех сил старался сохранить независимый вид, свойственный человеку, которому нечего опасаться встречи с представителями власти. Но, кажется, получалось не очень убедительно... Командир патруля, долго разглядывал карточку в паспорте на имя Елистратова, переводил взгляд на владельца документа, недобро щурился, будто ему что-то не нравилось, и снова смотрел в паспорт. Наконец неохотно вернул документ:

– В наших краях чем занимаетесь?

– Еду к одной... Короче, к подруге, – сказал Кот. – А заодно по грибы схожу. И порыбачу.

Лейтенант, удовлетворенный ответом, кивнул и двинулся вдоль перрона. Наряд проводил обычные профилактические мероприятия, выборочно проверяя документы пассажиров.

Кот прибыл в город темным ненастным вечером. Отсюда до колонии километров пятьдесят. Попутной машиной воспользоваться нельзя. От вокзала к поселку ходит автобус, следующий рейс через сорок минут. Но этот вариант тоже отпадает. Пассажиры запомнят человека в кепке с корзиной в руке. Если что случится с Чугуром, словесный портрет Кота будет у ментов уже на следующий день. Запросят все станции, на которых в поезд садились мужчины с такой внешностью, одетый в коричневый пиджак и серую кепку.

Через того лейтенанта, что проверял документы на пассажирской станции, узнают фамилию и место прописки. Ту же информацию подтвердит кассир, оформлявший билет. Свяжутся с настоящим Виталием Елистратовым, выяснят, что он потерял документы в Москве. Поговорят с администратором торгового зала, той самой женщиной, похожей на стюардессу. На автомобильной стоянке у комплекса наверняка полно видеокамер, есть видеозаписи.

Номер джипа БМВ менты срисуют в службе безопасности торгового комплекса. Выяснят, на кого оформлена тачка. И с удивлением обнаружат, что хозяин БМВ Димон Пашпарин на днях был застрелен при невыясненных обстоятельствах. Тогда за дело возьмутся всерьез. У Кота слишком мало денег, чтобы долго прятаться от милиции, переезжать с места на место, менять документы или свалить за границу.

Костян поклонился в районе привокзальной площади, нашел книжный магазин, где торговали канцелярскими принадлежностями и всякой всячиной, которая бы пригодилась домашнему мастеру. Он купил длинную металлическую линейку, маленькие пассатижи, отвертку, нитяные перчатки и моток изолянты. Выйдя из магазина, Кот обследовал два-три темных переулка, но там не нашел, чего искал.

Он вышел на широкую освещенную улицу к зданию областного драматического театра. Спектакль подходил к середине, в фойе болталась одинокая билетерша и за стойкой скучала буфетчица. Внимательно посмотрев афишу, Кот свернул за угол. Погода явно не для прогулок, моросил дождь, северный ветер налетал порывами, срывая с головы кепчонку. На заднем дворе театра стояло десятка полтора автомобилей и хватало света, чтобы их хорошенько рассмотреть.

Иномарки не подходили в принципе. Для маленького городка любой импортный тарантас – штука приметная. Кот остановил свой выбор на зеленоватой "девятке". Машина не новая, отличительных признаков не имеет, цвет подходящий. А хозяин до конца спектакля,

еще час с четвертью, будет париться в театре. С замком и простенькой сигнализацией Кот сладил за десять минут. Он вывел машину с заднего двора на главную городскую улицу и покатил своей дорогой. Теперь он никуда не торопился, потому что все сегодняшние дела уже сделаны.

Через час Кот свернул с трассы в лес, загнал машину в заросли молодого осинника. Он врубил свет в салоне, перекусил теми харчами, что взял с собой. Завтра он замаскирует "девятку" ветками и уйдет отсюда, а пока хорошо бы вздремнуть. Он опустил боковое стекло, чтобы почувствовать запах прелой травы и влажного леса. Запах воли...

* * *

Через полтора часа в следственном кабинете появился Юрий Девяткин. За полтора часа он успел пообедать и почитать сводку происшествий в газете. Следователь уселся на прежнее место, вытащил из портфеля бланк допроса свидетеля. Глянул на Косенко. На лице ни ссадины, ни царапины. Только пиджак выглядел немного помятым, под носом чешуйки засохшей крови и бурые пятна на рубашке и штанах. Во время разговора с операми от напряжения у Косенко пошла носом кровь, залила сорочку и брюки. Девяткин задал все те же вопросы: имя, фамилия, год и место рождения. И снова не получил ответов.

На этот раз Косенко не требовал адвоката и не вспоминал Конституцию. Понурился, он угрюмо молчал. Девяткин убрал бумаги в портфель, поднялся и сказал, что уезжает по делам. Вернется часа через два. Следователь шагнул к двери, потянул ручку на себя и хотел выйти, когда на стуле зашевелился Косенко.

– Эй, не уходи, – сказал он. – Чего там у тебя? Спрашивай...

* * *

Дашка оставила "хонду" неподалеку от универсама "Богатырь" и оставшиеся полкилометра прошагала пешком. Она вошла во двор старого дома, осмотрелась по сторонам. У подъезда торчала одинокая старуха с палкой, и дворник в замызганном фартуке гонял метлой пыль. Дашка чертыхнулась и поправила ремень висевшей на плече большой спортивной сумки. Кажется, вход в бомбоубежище не здесь, в следующем дворе. Она развернулась и снова вышла на улицу. Но пошла не вниз, а в ту сторону, откуда появилась.

Местом, где Захаров должен расстаться с пятьюдесятью тысячами баксов, Дашка выбрала эту тихую улочку, засаженную огромными липами и тополями, точнее, старый трехэтажный дом. Окружали его такие же ветхие домишки, по плану городской застройки предназначенные под снос.

Улица Почтовая опускалась к реке, от нее ответвлялись, тянулись вверх к городскому центру горбатые переулки и такие же тихие улочки. Поговаривали, будто в незапамятные времена здесь, в рабочей слободке, жили ткачихи текстильной фабрики "Заря". Давно уж нет той мануфактуры, а вместо старых, частично расселенных домов еще купеческой постройки здесь должен вырасти новый микрорайон, застроенный типовыми девятиэтажными коробками.

В этот полуденный час улица спала, только на углу у булочной в ожидании подачи крутилась пара худых псов. Собаки то сидели в тени тополя, то виляя хвостами, выбегали на солнцепек, когда из булочной выходил покупатель. Дашка хорошо знала все закоулки района, подворотни и проходные дворы, потому что в двух кварталах отсюда прошло ее детство и юность. Здесь, у реки, она встретила первую любовь, здесь совершила первую кражу, здесь менты задержали Кольку, здесь же, чуть ниже, в Строительном переулке, где находилось здание районного суда, ему навесили лагерный срок.

Через минуту она остановилась у распахнутой двери в подъезд и, сделав несколько шагов, снова остановилась, дожидаясь, когда глаза привыкнут к полумраку. Свет попадал сюда через маленькое занавешенное паутиной оконце на лестничной площадке между вторым и третьим этажом. Держась за ободранные перила, она поднялась вверх по выщербленным ступеням. На втором этаже остановилась, подумав, что место хорошее. Сейчас память ее не подводит.

Сунулась в приоткрытую дверь ближней квартиры и отступила назад: прямо в крошечной прихожей, расстелив на полу газеты, храпел мужик с пегой щетиной на щеках, в замусоленной рубашке и парусиновых штанах с дырками на коленях. Услышав скрип петель, мужик открыл глаза, посмотрел на Дашку пустыми глазами, перевернулся на другой бок и засопел в две дырочки.

– Ты тут откуда взялся? – прошептала Дашка и снова оказалась на площадке. – Куда ни плюнь, в бомжа попадешь.

Видимо, в третьей и четвертой квартирах еще кто-то живет. Замки целы, а двери заперты. Она толкнула дверь третьей квартиры, Запели на все голоса ржавые петли. Дашка переступила порог. Доски поскрипывали под ногами, пахло пылью и какой-то химией. Слева узкий коридор, ведущий на кухню. Справа дверь в крошечную комнату с узеньким окошком, впереди большая комната. Хозяева давно вывезли мебель, полуистлевшие от старости обои ободрали или исчеркали непотребными рисунками и надписями местные мальчишки, которые из любопытства заглядывали сюда вечерами. На подоконнике пустые бутылки из-под бормотухи, по потолку расползлись ржавые протечки, а штукатурка покрылась сетью трещин.

Что ж место в самый раз, лучше не придумаешь. Выйдя на середину комнаты, Дашка достала из спортивной сумки кусочек мела, нарисовала на досках пола круг. Несколько раз обвела его, чтобы был лучше виден, в середине круга поставила жирный крест. Она вышла в прихожую, прикрыла за собой дверь, сбегала вниз, но на улицу не вышла. По едва приметной в темноте узкой лестнице в два пролета спустилась в подвал. Дашка посветила фонариком на дверь, обитую листовым железом. На ржавых ушках навесной замок, к которому человеческая рука, кажется, не прикасалась целое столетие. Дел тут немного, за полчаса она управится.

Даша достала из сумки плоскогубцы, молоток, отвертки, другой инструмент и горсть саморезов. Закрепив фонарик так, чтобы световой круг падал на нужное место, приступила к работе. Сбила старый замок, вывинтила петли, распахнув дверь, вошла в подвал.

Закрепив фонарик с обратной стороны двери, повторила все операции в обратном порядке. Навесила новые петли ушками к себе, вытащила замок в заводской смазке, заперла дверь изнутри. Дашка открыла замок и положила его обратно в сумку. Теперь попасть в парадное и подняться в квартиру можно из подвала. Отступая тем же маршрутом, хорошо бы, если хватит времени, запереть дверь на навесной замок, отрезать вероятную погоню или задержат ее хоть на несколько драгоценных минут.

Светя фонариком, Дашка пошла вперед по широкому захламленному коридору со сводчатым потолком. Она споткнулась о велосипедную раму, другой ногой задела дырявое корыто. Тихо выругалась и побрела дальше. Когда-то здесь помещался склад чая и других колониальных товаров, потом подвал превратили в бомбоубежище, затем в слесарную мастерскую. В последние годы жители хранили здесь вещи, которым не нашлось места в квартирах. Теперь, перед сносом дома, из подвала вытащили все, что могло пригодиться в хозяйстве, оставили только бросовый хлам.

Метров через пятьдесят коридор разделился на два. Дашка взяла правее, пошла медленнее. Сводчатый кирпичный потолок местами обвалился, в свете фонаря виднелись отвалы земли вперемешку с битым кирпичом и штукатурной. Пробравшись через насыпь,

Дашка оказалась у глухой кирпичной стены. Кладка относительно свежая, в один кирпич, это не стена, а перегородка, разделяющая коридор. Кто и с какой целью построил перегородку – сейчас никто не вспомнит. Она положила фонарик на землю, сняла ветровку. Расстегнув молнию сумки, положила на землю саперную лопатку и монтировку.

Тут работы побольше, надо расковырять раствор, вытащить несколько кирпичей снизу, проделав лаз в перегородке. Затем замаскировать этот лаз землей и камнем.

Через час Дашка оказалась в другом подвале, через перегородку от первого. Сломала врезной замок деревянной двери и вышла на задний двор того самого дома, откуда начала разведку. Дворник, гонявший пыль, куда-то исчез. Место бабушки, стоявший у подъезда, занял пьяненький дядька в засаленной кепке. Мужичок глянул на Дашку, прикидывая про себя, из какой квартиры она могла спуститься, но так ничего и не придумал. Только сказал:

– Эй, девочка... Слышь...

Дашка остановилась, обернулась через плечо:

– Чего тебе?

– Ничего, – мужик фыркнул как лошадь и криво усмехнулся: – Просто у тебя лицо того... Немного чумазое. У меня ботинки чище.

Глава третья

Было четверть седьмого вечера, когда Костян задами, со стороны реки пробрался к дому продавщицы сельпо Ирины Будариной. Никем не замеченный прошел огородом и, выждав, не залает ли псина, перебросил корзину через хлипкий невысокий забор, а потом и сам легко перемахнул через него. Ему пришло в голову, что собаки у любовницы Кума нет, потому что Чугур сам страшнее любого волкодава. И фамилия у него – как собачья кличка.

На огород вела калитка, приусадебный участок с трех сторон окружен глухим забором, здесь разрослись старые вишни и яблони, на задах деревянной сарай, большая клеть для кур, почему-то пустовавшая, и новенькая, только в прошлом году срубленная банька с просторной парной и комнатой отдыха, откуда открывался прекрасный вид на реку, густой лес и дальнюю деревеньку.

Убедившись, что никто его не видит, Кот поднялся на крыльцо, потрогал навесной замок и вытащил из кармана связку отмычек. Через пару минут он вошел в дом и затворил дверь. Сапоги с обрезанными голенищами, чтобы не оставлять следов, пришлось сбросить за порогом.

Поселковый магазин заканчивает работу ровно в восемь вечера, времени впереди много. Продавщица Бударина не придет, пока не пересчитает дневную выручку и не закруглит все дела в магазине. Чугур раньше восьми вечера с зоны не уходит, бывает, до ночи засиживается.

Кот, оставив кошелку в сенях, неслышно ступая по крашеным доскам босыми ногами, обследовал сени. На вешалке две поношенные куртки, на стене корыто, разводка газовых труб, самодельные полки. На чердак ведет приставная лестница. Он приоткрыл дверь в горницу и замер.

Ему показалось, что кто-то шуршит бумагой, будто переворачивает газетные страницы. Звук был настолько явственным и близким, что ошибиться нельзя: в комнате кто-то есть. Кот, задержав дыхание, прислушался. Но наступила полная тишина, только где-то вдалеке, вроде бы на другом краю поселка, залиvisto лаяла собака и все никак не могла успокоиться.

Прижавшись плечом к косяку, Кот вытащил из-за ремня пистолет. Курок на боевом взводе, остается опустить предохранитель и послать пулю в цель. Неожиданно прошиб пот, сделалось так жарко, что на лбу выступила испарина. Показалось, что узкий ворот армейской фуфайки сдавливает горло, мешает дышать, а пиджак с чужого плеча стесняет движения. Выходит, Чугур в доме? Сидит и листает газетку. Но тогда кто навесил замок на дверь? Бударина, уходя на работу, заперла Кума в доме? За каким чертом, спрашивается?

Одной рукой Кот сжал рифленую рукоятку пистолета, крепко, до боли в пальцах. Перевел дух, рванув на себя дверь, шагнул через порог, целя на звук, в дальний темный угол у окна. В высокой клетке, стоявшей на столике в углу, сидел крупный белый попугай с разноцветным хвостом. Опустившись на дно клетки, застеленное газетой, он рвал бумагу острым клювом. Когда в комнату вломился незнакомец, птица уже оставила прессу в покое и уставилась на гостя мелкими, как бусинки, глазками.

– Товарищ, товарищ болят мои раны, – произнес попугай с ленинской картавинкой, помолчал, будто собираясь с мыслями, и неожиданно сменил пластинку: – Статья сто пять... руки за спину... стоять.

– Фу ты, блин... Напугал, – Кот опустил ствол, свободной рукой снял с головы кепку и вытер влажный лоб тыльной стороной ладони.

Последний раз этого попугая он видел год назад, на зоне, в красном уголке клуба. А потом птица вместе с клеткой куда-то пропала. Ну, Чугур, до чего хозяйственный мужик – все в дом тащит, что к полу не прибито.

– Здорово, узник, давно не виделись, – Костян приблизился к клетке и постучал по прутьям стволом пистолета: – Не пора сменить репертуар?

– На Кипр к морю, – ответил в масть попугай, будто впрямь понял смысл вопроса, но тут же съехал на криминальную тему: – Смерть ментам, ур-р-ра кентам.

– Правильно рассуждаешь, – Кот сунул пистолет за ремень. – Так держать.

Натянув нитяные перчатки, он неторопливо обошел комнаты, в спальне заглянул под широкую кровать, распахнул и закрыл дверцы шкафа. На кухне, осмотревшись, потянул за скобу тяжелую, как могильная плита, крышку погреба, заглянул в его темную глубину. В лицо пахнуло холодом и сыростью. Погреб – это не вариант. Если его там застукают, пиши пропало. Выбраться наверх он вряд ли сумеет. Во всяком случае, живым.

Вернувшись в горницу, он отдернул занавеску, переставил цветочные горшки с подоконника на пол, распахнул створки окна. Затем вышел из дома, надел сапоги, повесил замок на прежнее место и закрыл его. Внимательно осмотрел крыльцо, не осталось ли следов. Завернув за угол, закурил: в следующий раз побаловаться табаком удастся нескоро. Через пару минут он погасил окурок о подошву сапога, встал под окном, подтянулся, ловко вскарабкался наверх. Снова оказавшись в горнице, стащил с себя сапоги и закрыл окно, вернул на подоконник горшки с цветами. Минуту постоял посередине комнаты, прикидывая, что делать дальше.

– С одесского кичмана сорвались два уркана, – сообщил попугай, глядя на него, и добавил: – Туберкулез... Век свободы не видать...

– Что-то ты сегодня разговорился, – Костян машинально облизал сухие губы и неодобительно покачал головой: – Молчи, целее будешь.

Вернувшись в сени, Кот вскарабкался наверх по приставной лестнице, откинул крышку люка. Скрипнули петли, изъеденные ржавчиной. Светя фонариком, Кот внимательно осматривал чердак, высокий и просторный. Здесь можно было, выпрямив спину, ходить в полный рост, если бы все свободное пространство не превратили в вещевой склад.

Чего тут только не было: старый сундук с железными углами, набитый тряпками, электрическая швейная машина "Чайка", накрытая чехлом, полупустые ведра из-под краски, стопки книг, перевязанные веревкой, треснувшее зеркало в деревянной раме, подшивки пожелтевших газет и еще всякая всячина. На досках возле окошка в торцевой стене навалено пересушенное сено. Места оставалось не так уж много, но для одного человека вполне достаточно.

Кот перетащил наверх весь свой скарб: сапоги, кошелку и рюкзак. Сложив вещи в одном месте недалеко от люка, на минуту задумался. Все бы хорошо, но скрипучие петли люка портили всю идиллию. Нельзя спуститься вниз, не наделав шума. Пришлось возвращаться, шарить на кухне в поисках бутылки подсолнечного масла.

Когда Кот закончил все дела и, стащив с себя пиджак, устроился на сене у окошка, часы показывали ровно восемь.

* * *

Дядя Миша Шубин засиделся в своей крошечной комнатенке до позднего вечера, все проверял и проверял записи: столько и на что ушло денег. И пересчитывал выручку за последнюю неделю. Концы с концами сходились, но прибыли с гулькин нос. Никак не набирается, чтобы с Постным рассчитаться по долгам. Пересчитав деньги, Шубин положил пачку купюр в бумажник и сунул его в боковой карман пиджака. Завтра надо ехать на рынок, затовариваться на следующую неделю. Видно, все деньги там и останутся.

Вернувшись к столу, Шубин хотел снова засесть за расчеты, но решил, что голова после тяжелого дня мутная, надо все перепроверить утром. Он развернул газету, перевернул стра-

ницу, пробежав взглядом пару заметок. Все та же чешуя, никаких новостей. Менты все еще ищут юную аферистку, которая сумела скомпрометировать сразу двух кандидатов на пост градоначальника. По словам начальника районного ГУВД, у милиции есть много версий случившегося, уже очерчен круг подозреваемых. И, надо думать, совсем скоро эта авантюристка, а главное, темные личности, которые за ней стоят, – ведь девчонка действовала не одна, а выполняла чей-то заказ, – окажутся за решеткой.

Надо так понимать, что милиции зацепиться не за что. Ни версий нет, ни подозреваемых. Ищи теперь ветра в поле, а девчонка, надо думать, не станет сидеть на одном месте и ждать, когда к ней менты заявятся. Видно, девка ушлая, тертая жизнью, раз сумела кинуть на большие деньги сразу двух прохиндеев высшей пробы. Да, такую нескорю найдешь.

Шубин выключил верхний свет, вышел в пустую кухню. Оттуда через служебную дверь – во внутренний дворик, отгороженный от внешнего мира столбами и железной сеткой. Он запер врезной замок, сунул ключи в карман брюк и оглянулся.

Моросил дождик, в свете фонарей темное полотно дороги отливало серебром. Автобусы ходят редко, но на трассе есть шанс поймать попутку...

* * *

За хозяином закуской наблюдали две пары глаз. Витя Желабовский, больше известный как Жлоб, и Дима Кубиков по прозвищу Куба третий час протирали передние сиденья "опеля", они устали ждать, устали слушать паршивую попсу, которую гоняли по радио, и замерзли. Салон машины насквозь провонял табаком, бензином и соляжкой, поэтому пришлось опустить все боковые стекла. Да и упаковка пива, которую друзья прихватили из города, подходила к концу.

– Чего это хрен еле плетется? – спросил Куба. В его голосе звучало раздражение. – В штаны что ли наделал?

– Знаешь, мне его даже жалко, – Жлоб затянулся последний раз табачным дымом и щелчком запустил окурок в темноту за окном. – Пашет целыми днями как папа Карло, а все денежки оседают у Постного в кармане. По-моему, это нечестно: нам тоже причитается.

Приятели переглянулись и весело заржали. Они получили предельно ясный инструктаж от своего хозяина: Шубина ни при каких обстоятельствах пальцем не трогать. Дождаться, когда в "Ветерке" не останется ни души. Подняться по пожарной лестнице, что на задах забегаловки, на крышу. Залить в вентиляционный люк бензин и поджечь. И никакой самодеятельности.

Босс нашел армянина, который берется разместить тут торговые ряды и большую столовку. Кавказец подрядился ежемесячно отстегивать Постному хорошие деньги за право работать на трассе, уже заплатил вперед и теперь с нетерпением дожидается, когда освободится его законное место.

Однако Куба и Жлоб решили внести поправки в этот безупречный, на первый взгляд, план, который не учитывал одной очень важной детали. Шубин наверняка будет при деньгах, потому что банкам и прочим финансовым учреждениям такие типы, как он, не доверяют. Вывод напрашивается сам собой: нужно аккуратно вырубить хозяина забегаловки и выгрести всю наличность.

– Он приближается, – Куба допил пиво, бросил бутылку на резиновый коврик и загнал ее каблуком под сиденье. – Выходим?

– Сидеть, – скомандовал Жлоб, который был в их дуэте первой скрипкой. – Не дергайся. Видишь, чего-то этот хрен тормознул. Стоит и смотрит на свою рыгаловку. Странно.

Куба оглянулся: на заднем сиденье рядом стояли шесть литровых бутылок с коктейлем Молотова: бензин, смешанный с соляжкой. Горлышки посуды закрыты бумажными затыч-

ками, в одну из бутылок засунули промасленную тряпку. Остается бросить бутылки в вентиляционный люк, туда же отправить последнюю, с горящим фитилем и очень быстро сделать ноги.

* * *

На этот раз Шубин пошел к остановке автобуса не напрямик по широкому газону, как это делал обычно в хорошую погоду, а по асфальту, потому что боялся промокнуть. Он направился поперек автомобильной стоянки, отметив про себя, что на ночь здесь припарковался старенький "опель", а поодаль грузовик с пустым кузовом. Водители, наверняка, спят. По шоссе на всех парах промчался москвичонок, других машин пока не видно.

Какое-то тревожное предчувствие заставило дядю Мишу остановиться прямо в центре асфальтовой площадки и оглянуться назад. Он бросил взгляд на закусочную: жалюзи опущены, входная дверь заперта как надо, на засов и замок. А вот вывеска немного покосилась, завтра нужно залезть наверх и глянуть, что там с креплением. И еще хорошо бы...

Шубин не успел довести мысль до конца, кто-то тронул его за плечо:

– Эй, папаша...

Шубин повернулся на звук и содрогнулся от сильного удара. К счастью, хук нападавшего пришелся ему не в глаз, куда тот целил, а намного выше. В голове у дяди Миши загудело, но он сохранил ясность ума. За пару секунд ему удалось правильно оценить ситуацию: это ограбление, а у него при себе ключи от кафе, деньги... Он успел достать из кармана связку и метнуть ее как можно дальше от себя на газон, туда, где тот переходил в заросший кустами лесок. На этом его успехи закончились.

Один молодец заходил со спины, второй развернулся, чтобы со всего маху вогнать кулак ему в челюсть. Он подумал, что хорошо бы отойти к стене закусочной, но на этот маневр не осталось времени. Шубин едва успел блокировать удар нападавшего рукой и сам с разворота крепко приложил противника кулаком в нос, почувствовав, как что-то хрустнуло под костяшками пальцев.

Куба вскрикнул от боли, повернулся боком к дорожным фонарям. В эту секунду Шубин узнал его.

– Это ты, гад, – прошипел дядя Миша и что есть силы ударил Кубу носком ботинка в голень. – На тебе...

Куба, охнув от острой боли, упал на колени. Развить успех не удалось. Жлоб, подскочив сзади, врезал по затылку пивной бутылкой, которая взорвалась как осколочная граната. Далеко разлетелись мелкие стекляшки, Шубина окатило пивом. И в следующую секунду он почувствовал под щекой шероховатость мокрого асфальта. Потом кто-то выключил на трассе все фонари...

Куба неуверенно поднялся на ноги, постоял минуту, пока не убедился, что нога не подламывается. Но при первом же шаге боль пронзила все тело снизу доверху, от лодыжки до самого горла. Куба застыл в неудобной позе, на одной ноге, поджав вторую и поскуливая, как побитая собака.

Жлоб, присев на корточки, расстегнул на дяде Мише пиджак, обшарил внутренние карманы. Вытащил потертый бумажник, толстый и твердый, словно скроенный из голенища солдатского сапога.

– Лопатник у него будь здоров.

В бумажнике преобладали какие-то бумажки: товарные чеки, тетрадный листок со столбцами цифр и короткими записями. Кроме того, Жлоб нашел фотографию какой-то нагло улыбающейся девицы и месячный абонемент в городскую баню. Бумажки полетели

на асфальт. Партнерам досталась пачка долларов, перетянутая резинкой. Неплохой улов – шесть сотен баксов.

– Я возьму. У меня, как в кассе, – Куба сгреб деньги, сунул их в карман штанов. Он забыл о боли в ноге, о крови, еще сочившейся из разбитого носа. Градус настроения поднялся до верхней отметки: – После поделим. Шестьсот баксов, а? Не хрен собачий. А ты говорил: не надо старика трогать, а то еще ласты завернет.

– Я ничего такого не говорил, – возразил Жлоб, – это ты говорил. Я наоборот, хотел этого козла...

– Какой же ты тупой, – Куба покачал головой. – Шучу я. Пора научиться понимать юмор.

Жлоб, задетый за живое, выругался и велел Кубе найти ключи, выброшенные дядей Мишей. Куба запрыгал по сырому газону, как подбитая птица.

Жлоб попытался оттащить тело дяди Миши с открытого места, но тот был слишком тяжел. После ведра пива, выхлебанного на пару с Кубой, шевелиться не хотелось. А надо бы. С минуты на минуту на дороге может появиться патрульная машина ДПС. Заметив возню на стоянке, менты запросто могут свернуть сюда. И тогда легкое дело обернется большими неприятностями. Жлоб представил себе, как Постный сидит в конторе, ждет хороших известий, а тут такие дела.

Куба, продолжая прыгать на одной ноге, вернулся с пустыми руками и опять начал давить на жалость:

– Блин, он мне нос сломал. И ходулю тоже, – ему хотелось сочувствия.

– Хватит сопли распускать, помоги мне эту свинью вареную в сторону оттащить, – Жлоб схватил дядю Мишу за руки, потянул на себя, сдвинув метра на полтора. – Куба, мать твою, давай что ли...

Ругаясь последними словами, Куба неуверенно шагнул вперед, наклонился над хозяином "Ветерка" и, чтобы выпустить пар, пару раз ударил Шубина кулаком в лицо. Затем ухватил его за вторую руку. Вместе кое-как дотащили обмякшее тело до края асфальтовой площадки, столкнули в канаву:

– Отдыхай, падаль.

Куба и Жлоб вернулись к машине, взяли с заднего сиденья бутылки с горючкой и направились к забегаловке. Куба тут же отстал от партнера. Двумя руками он изо всех сил прижимал к груди три емкости с горючкой и внимательно вглядывался в темноту, боясь оступиться...

* * *

Пока Куба тащил бутылки, прижимая их к груди, сумел весь облиться вонючей жидкостью, вытекающей из-под бумажных затычек. Виртуозно матерясь, Жлоб велел приятелю лезть наверх. По железным скобам, вбитым в стену, тот вскарабкался на крышу, встал на колени и стал принимать бутылки, которые снизу подавал напарник. Дождь, темнота и выпитое пиво делали свое дело. Движения были неловкими, а посудины норовили выскользнуть из рук, как живая рыба.

– Так, порядок, это последняя, – крикнул Жлоб, задрав голову кверху. – Теперь кидай и зажигай.

– Пошел на хрен со своими советами, – огрызнулся Куба. – Умник. Сам вот залезай сюда. И шуруй. Умник, блин.

– Ладно, не зудит.

Куба подошел к жестяной вентиляционной трубе, навалился плечом и завалил ее в сторону. И принялся перетаскивать бутылки. Он пожалел, что накачался пивом и еще, чтобы

согреться, глотнул граммов сто пятьдесят водки. Если бы он был трезвым, то не позволил бы этому хмырю, хозяину закуской, так легко сломать себе нос да еще ногу повредить. Завтра придется переться к врачу и делать рентгеновский снимок. Даже если нет перелома, так хотя бы трещину в кости обязательно обнаружат. Наложат гипс, и два месяца ему, как последнему уроду, придется ковылять, опираясь на палку.

Мягкая кровля закуской оказалась неровной, бугристой, бутылки не хотели стоять, все падали. Стоило только чуть наклонить горлышко, бензин, смешанный с соляркой, вытекал. Руки от солярки стали скользкими, как намыленные. А бутылки все падали и падали, пока он не догадался не ставить их на кровлю, а сразу сбрасывать в вентиляционную трубу. Посудины полетели вниз, бухнулись о дно жестяного короба и разбились. Только тут Куба вспомнил, что надо было поджечь тряпку, торчавшую из горлышка последней бутылки, и только тогда бросать ее вниз. Как теперь зажигать горючку?

– Ну, мать твою через ухо, – Куба злился на свою забывчивость, на плохую погоду, на темную ночь, на тупость своего друга и на весь мир в целом. – Падла долбаная...

Проклятый дождь был таким мелким, будто кто-то на небе специально просеивал воду сквозь сито. Холодный ветер дул в лицо. Свет фонарей на трассе сделался каким-то тусклым, далеким.

– Эй, ты чего там, заснул что ли, задница? – голос Жлоба казался тихим и слабым. – Или зажигалку потерял? Слышь, ты где есть?

– Да пошел ты хер, – заорал в ответ Куба. – Пошел знаешь куда?

Закрывая огонь зажигалки от ветра, он прикурил сигарету, жадно затянувшись, бросил ее в вентиляционное отверстие. И отступил в сторону, дожидаясь, когда вспыхнет бензин. Но ничего не произошло. Спички, спички... Вот он выход из положения. Куба всегда таскал с собой коробок, чтобы при случае поковыряться в зубах. Отломив фильтр, он прикурил новую сигарету, вставил ее в спичечный коробок, закрыл его и бросил в вентиляционную трубу. Отличная идея, жаль, что она не пришла в голову раньше.

Как только сигарета догорит, воспламенятся спичечные головки, от их тепла горючка точно вспыхнет. Нужно лишь немного подождать. Куба отошел в сторону, досчитал до десяти. А потом еще раз до десяти. Сигарета должна была истлеть. Что за чертовщина?

– Ну, чего ты там возишься, задница? – крикнул снизу Жлоб. – Я тут совсем задубел. Задница проклятая...

– Пошел ты на хрен, – проорал в ответ Куба, – кретин, недоносок.

"Блин, у Жлоба не только с мозгами проблемы, у него и словарный запас как у последнего педика. Только задница, задница... Другим словам не научился. Тьфу, и этот фокус с сигаретой не получился". Куба стал раздумывать, что же делать дальше. Он подошел к вентиляционной трубе, наклонившись, глянул в темноту и отпрянул. Из трубы с шипением вырвался столб пламени, такой высокий, что моментально осветил асфальтовую площадку автомобильной стоянки, кусок шоссе и все пространство вплоть до леса. Обожгло лицо, грудь, вспыхнули брюки. Не помня себя, Куба закричал в голос, побежал к краю плоской крыши. Поскользнулся и упал, но тут же вскочил на ноги и закричал еще громче. Он потерял ориентацию в пространстве, не знал куда бежать, что делать, где искать спасения.

* * *

Дядя Миша пришел в себя от каких-то диких нечеловеческих криков, способных поднять из могилы покойника. Шубин лежал в мокрой траве на дне неглубокой канавы, он промерз до костей, голова раскалывалась от боли, а ноги онемели. Кажется, стояла ночь, небо оставалось темным, но вокруг светло как днем. Выглянув из своего укрытия, Шубин и сам

захотел закричать, но сдержал крик. Вся крыша закусочной была объята пламенем, горело и внутри, и жар был такой, что трескались витринные стекла.

На краю крыши стоял человек, объятый пламенем, он истошно кричал, но слова выходили неразборчивые. Человек спрыгнул вниз с четырехметровой высоты и, кажется, неудачно приземлился, видно, сломал ногу. Дважды он пытался встать и снова падал на асфальт. Другой человек накинул на бедолагу то ли кусок брезента, то ли шерстяное одеяло. На шоссе остановился жигуленок, водитель побежал к закусочной.

Оттолкнувшись руками от земли, Шубин попытался подняться на ноги, но снова оказался на земле, голова закружилась, будто он каким-то чудом оказался на детской карусели, которая разгонялась, крутилась все быстрее. И снова мир погрузился в темноту.

* * *

В салоне "опеля" стояла нестерпимая вонь. К запаху бензина и солярки примешивался тошнотворный дух подгоревшего мяса и еще какой-то запах, отвратительный, непередаваемый словами, от которого выворачивало наизнанку. Плохо соображая, что делать дальше, куда рулить, Жлоб решил, что без врача все равно не обойтись, но везти лучшего и единственного друга в районную больницу – это все равно, что его, а заодно и себя, прямиком на кичу отправить.

Врачи обязаны сообщать ментам о таких делах. Едва Кубу обследуют в приемном покое, завалится дознаватель. И начнется такая канитель, что тошно станет. К тому моменту, когда Кубу положат на операционный стол или куда там кладут обгоревших людей, менты пробьют насчет пожара в закусочной, поговорят с Шубиным, если он жив. А он наверняка жив, потому что такие типы легко не подыхают. И хрендец на ровном месте. Кубу отправят в тюремную больничку, а Желабовского прямой наводкой в СИЗО, в тухлую камеру на тридцать рыл.

Углядев указатель и жестяной щит на столбе, Жлоб резко вывернул руль, съехал с трассы и погнал "опель" по дороге через лес. В дачном поселке Масловка жил Николай Николаевич Кучушев, знакомый доктор из районной больницы. Пару раз он штопал Жлоба, когда его пописали выкидухой какие-то залетные отморозки. И Кубе тоже как-то помогал. Хороший мужик. Главное, цену не ломит, берет по-божески. И умеет держать язык за зубами.

Глава четвертая

Кот лежал на чердаке, вдыхая запахи сена, тушеного мяса и гречневой каши, доходившие сюда снизу. Минут двадцать назад, в половине девятого, раздались шаги на крыльце, потом кто-то на всю катушку врубил радиоприемник, послышалась возня на кухне. Это явилась хозяйка и принялась собирать на стол. От этих запахов разыгрался какой-то волчий, звериный аппетит. Кот вытащил из рюкзака пару яиц, ломоть хлеба и пластиковую бутылку с водой. Жаль, что не догадался взять соли. Но и так сойдет.

За слуховым окошком стемнело, непогожий день плавно перетек в ненастный вечер. Кот не рискнул зажигать фонарь, в сумерках издали будет виден даже слабый свет на чердаке. Утолив голод, он снова лег на сено, закрыл глаза и стал слушать, как по железной крыше стучит дождик. Когда стрелки часов подоברались к десяти вечера, Кот подумал, что Чугур не явится ни сегодня, ни завтра. Но в вот сенях затопали сапоги, послышался мужской голос. Слов было не разобрать, но теперь стало ясно главное: Кум все же вернулся...

* * *

Чугур зашел в сени, скинул дождевик и китель. В спальне он переоделся в спортивный костюм, наскоро поужинал и стал собирать дорожную сумку.

– Ты чего так поздно? – равнодушно спросила его Бударина.

– Поздно? Это еще рано, – отозвался Чугур, укладывая полотенце и бритвенные принадлежности. – Все разъехались. На юга задницы греть. А те, кто остался, тупее сибирского валенка. На хозяйстве вместо себя оставить некого. Дела в Москве займут дней пять, не меньше. Значит, неделю меня не будет.

– А как же деньги? Ты ведь говорил, надо в банке заказывать? Заранее?

– Я сегодня пять раз звонил в эту фирму по продаже недвижимости. Все уточнял... Короче, чемодан с налом туда тащить не надо. Можно в Москве с книжки снять. А еще лучше оформить перевод со счета на счет. Как только деньги переведут, можешь сходить к своим друзьям попрощаться. И деньги, что в долг давала, не забудь потребовать. А иначе это сделаю сам.

Кум перенес дорожную сумку из спальни в горницу. В Москве он остановится у одного старого приятеля Антона Васильевича Кленова, с которым вместе служили еще на севере. Теперь Антон перебрался в Москву, нашел теплое место в охранной структуре одной крупной строительной фирмы. И в хрен не дует. Знай себе купоны стрижет, шастает по бабам и квасит. Вот челюсть-то у Кленова отвалится, когда он узнает, по какому делу приехал в столицу бывший сослуживец. Чугур усмехнулся, присел к столу, вспоминая, все ли вещи собрал.

– Ты не маячь перед глазами, – сказал он Ирине. – Ложись и спи. Я себе в тут в комнате постелю.

Когда сумка была собрана, Кум присел за круглый стол в гостиной и засмотрелся в темное окно. За хлопотами тревоги последних дней отошли на задний план, вроде как забылись. А на ночь глядя, как всегда, снова всплыли в памяти. Скорей бы уж закончилась вся эта тяготина с оформлением дома на Кипре, с отставкой. И на дом Бударинной надо найти покупателя. Дел впереди – целый воз и маленькая тележка. Но свет в конце тоннеля уже виден. Кум успокоил себя мыслью, что на новом месте, у теплого моря оживет душой, стряхнет пыль неприятных воспоминаний и тревог. Но тут же поправил себя: до Кипра еще добраться надо, дожить до этого светлого дня.

Попугай Борхес, замерев на жердочке, угрюмо молчал, словно собирался сказать какую-нибудь новую гадость или выругаться, но не мог вспомнить крепкое словцо. Кум накрыл его черной шалью, чтобы этот оратор не вякал хотя бы ночью. Потом вышел в сени, проверил, не забыл ли задвинуть засов, когда заходил в дом. Он вернулся в комнату, разделся до трусов и майки. Перед тем как лечь, вытащил из кобуры пистолет, сунул его под подушку – для душевного спокойствия. Вытянувшись на диване, взял в руки книгу рассказов о Ленине и раскрыл томик наугад, на первой попавшейся страничке. Но скоро выключил свет.

Чугур долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок, не ко времени вспоминая все дела, что успел переделать за долгий день. Набралось порядочно... Полежав на спине четверть часа, он решил, что переутомился, поэтому и сон не идет. Невольно его мысли перекинулись на завтрашний хлопотный день. В Москву поездом он доберется уже после обеда. И, чтобы не терять день, сразу двинет в агентство, там его уже будет ждать некто Жаров, старший менеджер по продажам недвижимости за границей. Конечно, доверять этим фирмам нельзя. Сидит у них в конторе сволочь на сволочи и жулик на жулике. Тюрьма по ним плачет. Только и думают, как простого человека объегорить, деньги халявные загрести. А этот Жаров, видно, там основной, козырную масть держит.

Эх, промурыжить бы его недельку на зоне, да еще в кандей засунуть на несколько дней. И посадить к нему какого-нибудь голубца, самого грязного, больного сифилисом. И строго наказать этому голубцу, чтобы он и Жарова того, опустил. Тогда бы этот хренов менеджер по-другому запел, зараз цену на дом сбросил, а то и вовсе обнул.

* * *

Мобильник зазвонил в тот момент, когда, вцепившись мертвой хваткой в руль, Жлоб на темной узкой дороге разогнал тачку до девяноста километров. Пришлось сбавить газ. Услышав голос Постникова, Жлоб поморщился. Как некстати этот разговор именно сейчас.

– Ну, где вы пропали? – выпалил Постный. – Какого хрена не звоните? Я жду как опущенный, а ты язык проглотил.

– Вот как раз хотел, – виновато буркнул Жлоб.

Но Постников не стал слушать:

– Или вы стали настолько крутыми, что и докладываться не надо?

– Да, Павел Митрофанович, – невпопад ответил Жлоб, он не успевал следить за темной дорогой.

– Что да? Крутыми, мать вашу, заделались?

– То есть, нет, Павел Митрофанович.

– Что ты заладил: Пал Митрофаныч, Пал Митрофаныч? Говори, как дела?

– Все плохо. Куба обгорел. Сильно очень. Когда вспыхнул огонь, он оказался рядом... Сейчас его к доктору везу. К Кучушеву на дачу.

– Я не о здоровье Кубы спариваю, – заорал Постный. – Я спросил: как наши дела? Ты что, тупее материнной задницы? Уже русских слов не понимаешь?

– Забегаловка сгорела. Дотла. Все тип-топ.

– Ну, с этого и надо было начинать, – Постников сбавил на полтона: – Отвезешь Кубу к коновалу, а потом обязательно мне звякни. В любое время, хоть ночью, хоть утром. Только в больницу не суйтесь. Понял меня? В больницу ни ногой.

– Все понял, – отозвался Жлоб.

Кроткие гудки. Жлоб бросил трубку на пассажирское сиденье и прибавил скорость. Дорога сделалась чуть шире, в просветах между деревьями открылось небо. Еще два поворота, и они на месте.

– Шестьсот долларов, – громко и внятно сказал с заднего сиденья Куба. – Слышь? Шестьсот...

– Чего шестьсот? – проорал в ответ Жлоб.

Он чувствовал, что в груди бешено бьется сердце, руки сделались слабыми и вялыми, а на глаза наворачиваются слезы.

– Баксов наварили... Шестьсот баксов... За мою жизнь...

Куба зашелся каким-то диким нечеловеческим смехом, похожим на рыдание. От этого смеха мурашки по коже побежали. А потом он затих и, сколько ни звал друга Жлоб, тот не отзывался. "Опель" съехал на обочину, Жлоб вывалился из салона, распахнул заднюю дверь. Куба лежал на боку между сиденьями и, казалось, не дышал.

Жлоб, с детства боявшийся покойников, почувствовал дрожь в коленях. Он метнулся к багажнику, открыл крышку и долго шарил внутри, пока не нашел китайский фонарик с длинной рукояткой. Пересилив страх, Жлоб с ногами забрался на заднее сиденье, посветил в черное лицо друга, потормошил его за плечо. Никакой реакции, только голова мотнулась из стороны в сторону, как у трупa.

На коже столько саж и копот, будто Куба из печной трубы вылез. От рубахи и штанов остались обгоревшие лохмотья, и они еще дымились. Опаленные огнем волосы превратились в нарост на голове, будто череп покрылся темной коростой. Кожа на щеках и губы потрескались, в этих трещинах выступила желтоватая сукровица. Почувствовав тошноту, Жлоб вытащил из-под сиденья последние две бутылки пива, открыл пробки зубами. И полил пивом Кубу. Потер рукой его лицо и грудь ладонью и снова полил пивом из второй бутылки. Толку чуть, только копот размазал.

– Чего? – Куба широко открыл глаза, и стало еще страшнее.

Глазные яблоки у него, казалось, тоже закоптились, сделались какими-то серыми.

– Ничего, братан, – сказал Жлоб и не услышал своего голоса. – Как ты?

– Деньги забрать хочешь?

– Ты лежи, – прошептал Жлоб. Слава богу, друг жив, только поджарился как картошка на костре. От нестерпимой боли у него с головой полный разлад. – Лежи. Мы к доктору едем. На месте будем уже минут через десять. Потерпеть надо.

– Деньги хочешь забрать? – Куба заплакал. – Мою долю... А я не дам...

– Мне не нужны твои деньги, – Жлоб всхлипнул, едва сдерживая рыдания. – Ты только потерпи.

– Хрен тебе, а не деньги. Отсоси... – Куба слизывал красным языком пивную пену с губ и, насколько возможно, с подбородка. Он не понимал слов.

Всхлипнув, Жлоб снова сел за руль и погнал машину дальше. Дождь кончился, лужи в свете фар блестели, как самоварное золото. Большой дачный поселок утопал в темноте, только на главной улице каким-то чудом сохранились два подслеповатых фонаря. Жлоб скорее интуитивно, чем по памяти, нашел нужный поворот и нужный дом, спрятавшийся в темноте сада, остановился впритирку с низким штaketником забора.

– Я сейчас, – сказал он. – Ты жди. Просто лежи и не шевелись.

Выбежав из машины, Жлоб толкнул незапертую калитку. Гремя цепью, из темноты выскочила белая в темных пятнах собачонка и зашлась пронзительным лаем, норовя тяпнуть названного гостя за ляжку. Жлоб, остановился, сжал кулаки и прошипел сквозь зубы:

– Сейчас сам тебе горло перегрызу, тварь.

Собачка, казалось, поняла смысл слов и серьезность намерений этого мерзкого существа, пропахшего бензином и гарью. Она больше не тявкала: пялась задом, заползла в конуру и не высывалась. В доме светились два окна и еще на застекленной веранде горела лампочка. На занавески ложились чьи-то тени. Слава богу, значит, коновал на месте. Через пять минут машину загнали на участок и, врач, согнувшись на заднем сиденье машины, осмат-

ривал Кубу. Жлоб включил верхний свет и светил фонарем на своего друга, а сам отворачивался в сторону, когда Куба протяжно стонал. Потому что не было сил смотреть на все это. Кучушев вылез из салона и потряс кудрявой головой.

– Твоего кореша надо в областную больницу везти, – тихо сказал он. – Иного выхода нет. Обожжено примерно восемьдесят процентов тела. В домашних условиях ничего сделать нельзя. Ничего... Он жив по недоразумению. Потому что еще молодой.

– У меня есть деньги. Примерно двести баксов. И у него в лопатнике еще около шести сотен. Я же не бесплатно прошу. А, хорошие деньги. Считай, твои.

– Мы зря теряем время, – снова покачал головой Кучушев. – Разговорами ему не поможешь.

– Я же говорю: деньги есть...

– Тут дело не в деньгах.

Жлоб шагнул вперед, схватил врача за ворот рубахи, нащупал кадык, твердый, как грецкий орех, и сдавил пальцами.

– Ты что мелешь, чухонец, – голос Жлоба вибрировал. Он не мог поверить, что попусту потерял столько времени, а Кучушев палец о палец ударить не хочет. – Да я тебя, срань такая, прямо тут удавлю.

– А-а-а... Отпусти. Больно...

Кучушев кое-как освободился от тисков, сжимающих кадык, и отдышался:

– Ты что, совсем... Так ведь убить можно. Невзначай.

– И я сделаю это, – кивнул Жлоб. – Если еще раз скажешь нет, считай, что ты уже дуба врезал.

– Все, что я могу, это немного облегчить его страдания, – замялся Кучушев. – У меня в заначке есть морфин. Твой друг после укола, по крайней мере, не впадет в болевой шок...

– И хрена ты мнешься, как целка перед абортom? – крикнул Жлоб. – Тащи сюда свой морфин. Тут человек помирает, а он, падла, бодягу разводит.

Кучушев вернулся со шприцем в руке. Снова покопался на заднем сиденье, уколол Кубу, а когда Жлоб стал совать деньги, не взял их.

– Уезжайте, пожалуйста, – прошептал он. – Прошу вас. У меня трехлетняя внучка в доме. И родни полно. Больше ничем не могу помочь.

– Может, давай его хоть на сиденье положим. Чего он там валяется на полу машины. Как собака дохлая.

– Пусть лежит, как ему удобно и где удобно, – ответил Кучушев и прижал ладони к груди: – Уезжай.

– Уеду, – мрачно пообещал Жлоб. – Но еще вернусь. Рассчитаться с тобой за оказанную помощь.

– Погоди, погоди...

Но Жлоб уже не слушал. Он сел за руль, и огни "опеля" исчезли в темноте.

* * *

Свет погас ровно в час ночи. Выждав еще минут сорок, Кот стал осторожно пробираться к люку, в темноте задел и опрокинул пустую стеклянную банку. Хорошо, не разбил. На всякий случай Кот выждал минуту, прислушался. Наверняка Кум уже дрыхнет без задних ног. И теперь все надо сделать быстро и по возможности тихо.

У стенки на кровати спит хозяйка, подушка пропахла недорогими цветочными духами. А Кум с краю. Тут не промахнешься, даже если очень захочешь. От двери до изголовья кровати ровно пять шагов. Это займет три-четыре секунды. Два выстрела в голову – это еще

пару секунд. Пока эта продавщица проснется, поймет, что к чему, включит свет и побежит будить соседей, он будет уже далеко отсюда...

Кум уже задремал, когда услышал, как где-то скрипнула доска. Он открыл глаза, взгляделся во тьму. В комнате было тихо, как в могиле.

– Ирка, ты что ли встала? – тихо спросил Кум и не услышал ответа. – Слышь, Ирина...

И снова нет ответа. Значит, не она. Наверное, просто почудилось. И немудрено. При такой-то жизни недолго и с привидением встретиться, а то и вовсе крыша на курорт уедет. Кум закрыл глаза и тут услышал странный далекий звук, будто кто-то уронил на пол стакан. И снова гулкая тишина, от которой в ушах звенит.

Кум вытащил из-под подушки пистолет, передернул затвор и, поставив на предохранитель, сунул ствол на прежнее место. В доме никого нет, а на улице в такую-то погоду тем более. И нечего себя пустыми страхами изводить...

* * *

Выждав, Костян поднял крышку люка, подхватил корзину, в которую сложил все пожитки, и медленно спустился вниз по лестнице. Темнота в сенях крошечная. Одно окошко, выходящее в сторону соседского участка, занавешено темной сатиновой занавеской, в другое, дальнее окно пробивается млечный свет луны, такой слабый, что не увидишь вытянутую вперед руку.

Кот поставил кошелку на пол под лестницей. Неподвижно постоял пару минут, дожидаясь, когда глаза привыкнут к такому освещению. Он вытащил из-за пояса ствол. Патрон уже в патроннике. А с близкого расстояния, почти в упор, трудно промахнуться даже при нулевой видимости. До двери в горницу ровно шесть шагов, надо взять наискосок, чуть правее. Фонарик в кармане пиджака, но пользоваться им нельзя. Впрочем, большой надобности в фонаре нет. Кот, когда обследовал дом, запомнил, сколько шагов нужно сделать и в какую сторону, чтобы оказаться у цели.

До двери в горницу оставалось метра полтора, когда под ногой скрипнула половица. Кот остановился, замер на месте, вслушиваясь в звуки ночи. Все так же по крыше и подоконникам стучал дождик, по жестяным желобам вода стекала в бочку, стоявшую у ближнего угла дома. Кажется, этот проклятый скрип, кроме Кота, никто не услышал. Он сделал вперед три коротких шага, провел по двери ладонью, нашарил железную ручку и медленно потянул ее на себя. Петли хорошо смазаны, тут все пройдет тихо. Лишь бы попугай, почував незнакомца, не выдал матерную тираду.

Света в горнице было больше, чем в сенях, тут занавески прозрачные. Кот держал пистолет в согнутой руке дулом вверх. Дверь не скрипнула, попугай не подал голоса. Кот инстинктивно отступил на шаг: что-то насторожило его. В слабом свете видны контуры разобранного дивана, белая простыня или пододеяльник. Значит, Кум спит здесь, а не в спальне, не с Бударинной...

В следующую секунду Кот услышал тяжелый шлепок, словно на пол рухнула медвежья туша. Всполох выстрела на мгновение озарил комнату, как фотовспышка. В сантиметре от уха вжикнула пуля и с глухим стуком ткнулась в стенку за спиной. Запрыгала по крашеным доскам стреляная гильза. Кот, качая маятник, ушел с линии огня. Снова выстрел – пуля разнесла в мелкие осколки зеркало, висевшее возле двери. Отскочивший осколок полоснул по шее. Кот, не целясь, выстрелил в то место, где по его представлениям мог находиться Чугур. Шагнув в сторону, снова нажал на спусковой крючок. Пуля вспорола подушку: в лунном сиянии закружился по комнате белый пух, похожий на большие снежинки.

Кот бросился на пол, инстинктивно вжав голову в плечи. Он не видел своей цели. Чугур должен быть где-то здесь, совсем близко. Горница большая, метров тридцать, но спрятаться

ему негде, разве что за углом бельевого шкафа. Дверь в спальню была закрыта. Значит, он затаился и ждет, он тоже не видит противника и боится обнаружить себя, пальнув в темноту наугад. В этой ситуации все решает только один выстрел. Один точный выстрел. И шансы у них равные – пятьдесят на пятьдесят.

Костян кувырком ушел в сторону. Тут же один за другим ударили три выстрела – Чугур стрелял на звук. Пули выбили щепу из стен и двери. Кот шмальнул в ответ. Еще две пули прошли у него над головой. Кот, распластавшись на досках возле стола, лежал неподвижно, затаив дыхание, ждал. У Кума остался один патрон, перезарядить пистолет он вряд ли успеет, даже если есть запасная обойма. Вопрос в том, промажет Чугур или попадет в яблочко.

Кот перевернулся на спину и, держа пистолет двумя руками, дважды выстрелил в контур бельевого шкафа, рассчитывая, что пули пробьют створку и достанут Кума. Потом откатился в сторону и вжался в пол, ожидая ответного выстрела. И он прозвучал. Пуля, отрикошетив, срезала с потолка люстру богемского стекла. Она со звоном рухнула на стол, во все стороны брызнули невидимые стекляшки.

Кот, считая про себя израсходованные патроны, выстрелил еще два раза. С грохотом вывалилась и рухнула на пол разбитая пулями дверца шкафа. И еще Кот услышал громкий стон и тяжелое, прерывистое дыхание. Так и есть: Кума зацепило. Теперь главное – не дать ему перезарядить пушку, если запасная обойма у Кума все же есть. Вскочив на ноги, Кот бросился к шкафу. Оступился на битом стекле и, чтобы сохранить равновесие, взмахнул руками.

В это же мгновение Чугур вылетел на него из темноты, как локомотив. Кот успел подумать, что Кум не ранен, на нем нет ни царапины. Этот его стон – всего лишь хитрость, на которую он купился, как последний лох...

* * *

Жлоб гнал машину в обратном направлении. Опять ночная дорога, свет фар, выхватывающий из темноты заборы, стволы деревьев и рваное полотно асфальта. Ладони вспотели от волнения, и руль был скользким, будто его натерли мылом. Путь через лес казался бесконечным, сзади тихо стонал Куба. Видно, морфин, который вколол ему Кучушев, был левым, бодяжным или это вовсе не наркотик был. Врач наверняка уколол Кубу грошовым анальгином, лишь бы отвязались. Скот, крохобор паршивый. А еще людей лечит. Впрочем, лечит – это совсем не то слово. Помогает пациентам поскорее прибраться – так будет правильнее.

Жлоб остановил машину, когда стоны прекратились. Зажег верхний свет и заглянул за сиденье. Куба неподвижно лежал на полу и не дышал. Больше всего он был похож на обгоревшее бревно. Ясно, теперь спешить уже некуда: с такими подпалинами долго не живут. С трудом сдерживал позывы тошноты, Жлоб вылез из машины и выкурил одну за другой две сигареты. На придорожных полях лежал туман, в лесу чирикнула бессонная птичка. Облака расступились, на темном небе выпала мелкая звездная россыпь. Жизнь продолжается, ничто не изменилось в этом мире, но Куба об этом уже не узнает. Теперь ему все до лампочки.

Желабовский, не обращая внимания на катившиеся по щекам слезы, набрал номер Постникова. Тот долго не отвечал, а когда взял трубку, первое, что услышал Жлоб, были веселые женские голоса и звон бокалов. Постный не сразу вспомнил, с какой целью звонит один из его бойцов.

– Умер, говоришь, Куба? – переспросил он автоматически. – М-да... Черт побери, так некстати вся эта фигня. Поручи вам работу, самую простую, самую легкую, вы обязательно обосретесь. И еще этот трупешник. Тоже мне, подарок судьбы. А что, Кучушев не мог помочь?

– Сказал, что не может, – голос Жлоба дрожал от волнения и злости. – А так хрен его знает. Наверное, гад, возиться не захотел.

– Чего? – переспросил Постный. – Нет, это я не тебе. А ты давай... Наливай. Все уже заждались. Барышни легли и просят.

Снова послышался звон посуды и чье-то залиvistое ржание.

– Слышь, ты вечно звонишь не вовремя, – недовольно сказал Постный. – Всю дорогу у тебя одни проблемы. Дай тебе говна, так ты ложку попросишь. Ничего сам решить не можешь. Ладно... Так ты говоришь, Куба того, откинулся?

– Вот именно: того, – подтвердил Жлоб и всхлипнул. – Умер, да... Мертвее не бывает. И я не знаю, что делать дальше.

– Машина на кого зарегистрирована? На Кубу? И хорошо. Отгони "опель" подальше, посади покойника за руль, залей салон бензином. И дальше по полной программе. Пусть менты потом разбираются. Хотя тут и разбираться нечего: несчастный случай. Все, действуй. Надеюсь, спичку ты сможешь зажечь без посторонней помощи?

Послышались короткие гудки. Жлоб убрал телефон. Надо было пересилить отвращение и страх, сесть в машину, но на это просто не было сил. Постояв с минуту, он вспомнил, что в багажнике у Кубы заныкана армейская фляжка с водкой.

Он сделал пару жадных глотков, сел за руль и погнал дальше, чувствуя, что голова идет кругом и в таком состоянии он вряд ли далеко уедет...

* * *

Ирина Степановна, разбуженная грохотом стрельбы и звоном стекла, вскочила с постели и метнулась к двери, чтобы включить свет, но тут же поняла, что этого делать не следует. Несколько пуль прошили стенку комнаты, словно она была сделана из картона. Что происходило за дверью, можно было понять по шуму драки: оттуда доносились глухие удары, стоны и треск ломаемой мебели.

Бударина упала на домотканый коврик, закрыла уши ладонями. Мысли одна нелепее другой лезли в голову. Может, это вернулся бывший муж Леня и полез с кулаками на Чугура. Но кто тогда стрелял? И каким образом бывший супруг сумел войти в дом? На двери засов и замок надежный. Окно разбил? Почему же тогда не встал Чугур, всегда спавший очень чутко? Он просыпается от любого шороха, а тут окно размолотили и хоть бы что. Такого быть не может. Что же делать?

Ирина подползла к платяному шкафу, не вставая с пола, распахнула дверцы. Под тряпками лежало охотничье ружье шестнадцатого калибра и старый патронташ, – все, что, уезжая неизвестно куда, оставил здесь Леня. Ирина Степановна, умевшая обращаться с двустволкой, переломила ружье, засунула патроны в ствол и взвела курки. Он не видела маркировки гильз, поэтому не представляла, чем снаряжены патроны, картечью или дробью.

Впрочем, сейчас это большого значения не имеет. Может, и стрелять не придется, достаточно будет просто пугнуть названного гостя, выпустив один заряд в потолок. А если человек окажется слишком навязчивым, что ж... Ружье не пистолет. С такого расстояния из него не промахнешься. Она поднялась с пола, шагнула к двери.

* * *

Чугур выбил пистолет из руки гостя, подмял его под себя и изо всех сил долбанул затылком о доски пола. От удара Кот на секунду потерял сознание. Тут же очнувшись, он изогнулся дугой, но сбросить с себя Кума так и не смог. Чугур мертвой хваткой вцепился ему в горло, сжал твердые, будто вырезанные из корня дуба, пальцы...

Чугур понял, что ситуация под контролем: подонок, забравшийся в чужой дом, извивался под ним, как придавленная к асфальту змея... Кот молодой и сильный мужик. Ничего, Кум справлялся и не с такими молодцами. Тактика тут простая: подмять под себя, перекрыть кислород или выдавить глаза. А там уж можно будет размазать этого гада по стенке тонким слоем.

Кот захрипел, пытаясь оторвать от шеи чугунные лапы, но силы оказались неравны. Голову начал заполнять тяжелый красный туман... Уже теряя сознание, Кот несколько раз стукнул рукой о пол, как борец, попавший на болевой прием. И почувствовал, как ладонь коснулась металла. Пистолет, выпавший из его руки, лежал рядом.

Он обхватил пальцами ствол и саданул Кума по виску рукояткой, как молотком. Чугур вскрикнул от боли и неожиданности, разжал пальцы. Уже через мгновение Костян сидел на противнике и как заведенный лупил его пистолетом по голове, пока не почувствовал, что все кончено. Тяжело дыша, он медленно вытер пистолет о майку Кума, сунул в карман пиджака и, шатаясь, поднялся на ноги. Голова кружилась, мысли путались, а пол уходил из-под ног.

Свет в комнате вспыхнул так неожиданно, что Кот вздрогнул и зажмурился, прикрыв глаза ладонью. Час от часу не легче. На пороге спальни стояла стройная женщина в ночной рубашке. Сквозь полупрозрачную материю просвечивали острые соски и темный треугольник внизу живота. Держа палец на спусковом крючке, она целилась в Кота из охотничьего ружья. Стало тихо, как в подземелье.

Неожиданно попугай в клетке ожил, зашуршал газетой и выпалил:

– Ум-р-ри мусор. Умри...

Чугур с лицом, залитым кровью, неподвижно лежал на полу, раскинув руки в стороны. Кот попятился к выходу и остановился.

– Не туда идешь, Огородников, – насмешливо сказала Ирина Степановна. – Шагай в обратном направлении. В спальню...

Глава пятая

Солнце еще не поднялось над землей, но предрассветные сумерки окрасили горизонт в серый цвет. Этой ночью Жлоб впервые послушался хозяина, не выполнил приказ Постного. Он не сжег машину с трупом друга, а завернув Кубу в брезент, закопал его возле лесополосы на краю огромного поля. Пару минут постоял у низкого могильного холмика, сел в "опель" и поехал в город.

Дома никто не удивился его неурочному появлению. Родные давно привыкли, что Виктор может вернуться домой в любое время дня и ночи. Может исчезнуть дней на пять и даже не позвонить. Матери дома не оказалось, она работала проводницей, сегодня ее смена. Брат у тетки в деревне. А старая бабка совсем глухая, спит в своей комнатенке до полудня.

Жлоб принял душ, смыл въевшуюся в кожу грязь, вымыл голову. И, устроившись на кухне, соорудил себе омлет из четырех яиц, последний раз он ел вчера днем. С виду аппетитный омлет почему-то не полез в горло. Жлоб вывалил его в мусорное ведро, открыл бутылку пива и, присев у окна, стал тупо разглядывать квадрат старого двора.

Он неподвижно просидел так около часа, потом вернулся в свою комнату, надел светлую шелковую сорочку, отлично выглаженные брюки и пиджак. Побрызгался одеколоном и прошелся щеткой по безупречно чистым ботинкам с верхом из лакированной кожи. Вытащил из обувной коробки пистолет с глушителем и две снаряженных обоймы. Ствол сунул за пояс, глушитель и обоймы рассовал по карманам. Ключи от квартиры оставил на тумбочке. Бабка так и не проснулась. Что ж, значит, не судьба сегодня увидеть ее. Через пять минут Жлоб спустился к машине и сел за руль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.